Мой выбор

Автор:
Галина Чередий

Мой выбор

Галина Валентиновна Чередий

Я думала, что моя жизнь не сахар? Семья смотрит косо, личные отношения не складываются, а все потому что чуть ли не на каждом шагу вижу созданий, в существование которых не верят нормальные люди. И ладно бы я только видела их и говорила с ними… Кто же стерпит изгнание лярвы прямо в разгар семейных праздничных посиделок?

А как тебе – очнуться на холодном алтарном камне в обществе страхолюдин в балахонах и выяснить, что ты очутилась в чужом мире, в теле любимой постельной игрушки тамошних правителей? Да моя прежняя жизнь просто сказка, и я хочу назад! Вот и рванула с одним очень-очень странным спутником из дворца-тюрьмы. Навстречу шансу вернуться домой, сквозь ужасы Пустоши и в компании двух пугающих проводников. Проводников, которые требуют за свои услуги цену, что может стать мне непосильно дорогой. Ведь я рискую расплатиться с ними собственным сердцем.

Галина Чередий

Мой выбор

Пролог

В глаза бил слепящий свет, едва позволяя их приоткрыть, и болело везде. В прямом смысле. Что, черт возьми, со мной случилось? Я в больнице? Почему? Неужели Лерке таки удалось втянуть нас в эпичные неприятности? И насколько они тогда эпичны? Точнее, каковы последствия. Жить хоть будем? Напрягшись до рези в глазных мышцах, я смогла уловить сквозь опущенные ресницы движение каких-то смутных фигур и почему-то жутко испугалась. Сердце сначала обмерло, а потом дико замолотило, залетев из положенного места за ребрами куда-то к горлу.

– Кто… – В горле запершило, будто оно было забито песком или его кто нещадно тер там железным таким ершиком. Я закашлялась, рванулась сесть, но обнаружила, что привязана. Руки скованы над головой, ноги тоже не двигаются, широкие удерживающие полосы на лбу, груди, бедрах. И страх стал уже почти черной паникой. Забилась в оковах, пытаясь кричать, но по-прежнему выходило только карканье.

– Бу-бу-мр-гр… пока. – Я снова передернулась от ужаса, когда неразборчивое бормотание рядом стало понятной речью. – Горло так до конца и не срослось. Нужно потерпеть еще несколько минут.

Голос был каким-то бесполым и безразличным. Но более странным было то, как я воспринимала сказанное. Как если бы в первый момент слух ловил некую тарабарщину, и только с крошечным опозданием в мозгу звуки приобретали смысл. Типа иностранного языка, который ты не пойми по какой причине вдруг знаешь. Или не ты, а что-то в тебе. Бывали у меня в жизни подобные вещи. Часто. До меня и не сразу дошло-то. Горло не до конца срослось? Что?

Забилась в оковах снова, и в этот раз уже вместо хрипа и карканья вышел-таки крик. И даже не один. И вполне членораздельный.

– Кто вы?! Где я?! Почему связана?!

Голос не мой. Вообще не похож.

– Очень хорошая скорость восстановления, – второй невидимый бормотун. Такой же бесполый, как и первый, но отчего-то мне понятно, что он принадлежит новому персонажу кошмара. – Удачное пополнение.

– Да что происходит?! Вы кто?! Что сделали со мной? Похитили? Зачем?

Я мало осознавала, что сыплю вопросами без остановки, просто не могла замолчать.

– Не похитили, дитя. Призвали. Настало твое время жить и служить.

– Какого?!.

Глава 1

– Лерка, ну что за дурь, а? Переться в такую даль, чтобы шастать по лесу в компании всяких неадекватов, – пробурчала я, осмотревшись на перроне. Просто платформа из бетонных плит в чистом поле, даже без перил из облезлых столетней давности труб, как бывало обычно. Ни здания вокзала, ни хоть каких-то еще строений. И кроме нас еще десятка два разномастных дебилов, что, видно, тоже прутся на этот фестиваль шумоголовых. Господи, сколько же вокруг народу с тараканами в башке!

– Хэй, всем привет, братья и сестры! – закричала подруга, игнорируя мое нытье. Она подняла руки и запрыгала на месте. При этом бесчисленные браслеты на ее руках и лодыжках, ожерелья и огромные серьги с массой висюлек зазвенели. Божечка, помоги, ходячая лавка бижутерии в стиле бохо тут у нас. Лишь бы все местные сороки от радости не спятили, а то нас точно зоозащитники засудят за нанесение невосполнимого вреда психике представителям пернатой фауны. Они сейчас вообще отбитоголовые беспредельщики похлеще бандюков в девяностые стали. – Повеселимся?

Ей ответили не менее бурно, сопровождая вопли так же звоном, бряцанием, и даже какой-то парень постучал по барабану (или как там бишь эту потрохню зовут), что болтался у его бедра, и еще кто-то поднял над головой бубен. Да, уж, мы тут не самые красочные персонажи. Я так вообще порчу весь пестрый пейзаж. Одета в удобные застиранные и проверенные годами джинсы и серую толстовку. Ни косичек, ни бусин, ни амулетов. И все, главное, улыбаются так имбецильно-просветленно, одна я тут мрачная и ничуть не счастливая от

перспективы ночи в сыром лесу в этой компании.

– Повеселимся, само собой, потом, когда воспаление легких и циститы лечить будем. На земле в начале мая спать – оно же самое то для подобного веселья, – пробухтела я, нацепляя увесистый рюкзак, и ткнула в такой же Лерке. – Давай, я сама все тащить не собираюсь.

– Эх, Сонька, нет в тебе легкости бытия! – махнула на меня рукой подруга, но рюкзак напялила. – Приземленная ты, и меня к земле тянешь.

– Тащишь меня всегда куда-то ты. – Ага, вечно чудес ей в жизни не хватает. – И конкретно здесь и сейчас мы потому, что…

– Я же говорила, Сонька! Здесь будет сеанс бесплатного приема самой ведьмы Арнеллы. И я собираюсь спросить ее, почему Димка ушел, и попросить вернуть. Я ж его люблю.

Я бы ей без всяких мошенниц ряженых Арнелл могла рассказать, почему Димка ушел. Задолбала она мужика своими закидонами. Он пашет целый день как папа Карло и дома хочет вкусно и сытно пожрать, потупить перед телеком в обнимку со своей бабой, давая отдых и телу, и мозгу, и, чего уж там, сексом заняться конкретно, основательно и без выкрутасов. В выходные на рыбалку или на шашлыки смотаться. И так далее. А она ему что? То у нее веганство жесточайшее случается, то вообще праноедение, а в перерывах извращаться принимается в изготовлении каких-нибудь безумно заковыристых блюд с неимоверным количеством редких и дорогущих и хрен съедобных ингредиентов типа крайней плоти единорога, цветков папоротника или акульих языков, в итоге выходит нечто непригодное в пищу, если только нет желания чуть отдохнуть от жизни такой в реанимации, ибо ну нет в числе Леркиных талантов даже слабенького кулинарного. То она сутками квартиру провaнивает, ой, пардон, окуривает для изгнания духов и сущностей, то врубает музон со всякими мантрами и прочей ерундой и подвывает им. Толку-то от этого ноль, если за стеной у соседей этих сущностей, похоже, прорва целая, замаялась я их гонять, как к ней приходила. То всякие заумные техники секса на нем пробует ночами напролет, и пофиг, что ему утром на работу, то объявляет периоды воздержания с хождением при этом голыми по квартире. А он потом или голодный, как собака, или животом мается, да каждый день, считай, на войне живет и домой возвращается с ужасом, не представляя, какой финт ушами его там сегодня ждет и чем запасаться: противогазом, таблетками от несварения,

дополнительной партией презиков или вообще распятием и святой водицей. И так терпел бедолага, сколько мог. Да этому Димке памятник в полный рост из золота при жизни ей ставить впору. Большинство-то мужиков сейчас и одним процентом его терпения не обладали.

И говорить я с подругой пыталась, но было мне указано, что ни черта я не понимаю в отношениях, так как у самой их нет, и уж она-то лучше знает. И вообще, это я тут та подруга, чьи странности она терпит, а не наоборот. И это я еще ей с третьего класса перестала рассказывать о том, что вижу в окружающем мире на самом деле. Вот как это мохнатое, круглоглазое нечто, что притаилось за крайним деревом в лесу, куда мы как раз входили. На вид вроде не агрессивное, скорее уж зашуганное. И еще бы не испугаться, учитывая музыку, слышную и отсюда, и противные запахи жженых трав. Надеюсь, хоть без наркоты в этот раз обойдется. Перспектива носиться в темноте по незнакомой пересеченной местности, тормозя ловящую собственные глюки подругу, меня абсолютно не прельщает. Вот взять бы и отказаться от этой авантюры, но кто же тогда за этой шумоголовой присмотрит? Она же, при всей дурости, мне, считай, родня, учитывая, что мои кровные родственники давно предпочли свести общение со мной к минимуму. Как раз после того, как я с потолка над супружеской постелью сестры и ее благоверного лярву прямо в разгар семейного застолья стаскивала. Вышло, конечно, шумно и ни черта не понятно для всех окружающих, что в упор эту разожравшуюся мерзость не видели. Но и тянуть нельзя было. Надька своей ревностью ее и так раскормила до таких размеров, что я чудом справилась, и, судя по состоянию сестры и тому, как лоснилась лярва, времени на реверансы у меня не осталось совершенно. Короче, в квартире бардак, вся родня и гости в диком шоке, а меня вежливо попросили больше не приходить без крайней надобности. Что поделать, я и так для своих близких была девочкой с придурью. Сильной такой. Вот их терпение и лопнуло.

– Потерпи, чувак, скоро все закончится, – прошептала так, чтобы никто не засек, не видимому больше никому созданию, похожему на здоровенную голенастую лягуху в черной мохнатой шубе, и оно уставилось изумленно и что-то залопотало. Мотнула головой отрицательно. Прости, чудик, видеть-то я вас вижу, но по большей части не понимаю. Да и не хочу. Чур меня. И так у меня с этим виденьем не жизнь, а мука.

Лягух скис, лупнул горестно круглыми глазищами и притаился опять под корнями. Ничего, чудо-юдо, ты тут не один такой, кому бы день простоять да ночь продержаться. Терпеть будем вместе.

Естественно, на помощь в установке палатки я даже не рассчитывала, небось не наивная и не первый раз с Леркой на выезде. Можно было бы и спальниками обойтись, но по прогнозу ночью ливень не слабый. Верить синоптикам – себя не уважать в большинстве случаев. В девяноста процентов случаев, одевшись с учетом их прогнозов, обещающих «резкое потепление» или «внезапное похолодание», вы или замерзнете до зеленых соплей, или же будете потом обливаться, отдуваясь в переполненном транспорте. Но все же проснуться среди ночи, если Лерка угомонится раньше обычного и поспать все же свезет, от того, что сверху лупит дождь, мне ни капли не хотелось.

Когда я закончила с насущным и приземленным, то пошла искать подругу, что, отойдя «вот на секундочку, просто одним глазиком гляну», отсутствовала уже больше часа. Обнаружила ее в исполинских размеров шатре с поднятыми стенами. Он был весь настолько яркий, что в глазах рябило, и оттуда разило благовониями так, что чуть с ног амбрэ не сбивало. Бедолажные же местные представители всякой безобидной нечисти! Для них же это все равно, что для клопов дуст. Чистая отрава. В центре этого источника газовой атаки расположилась на небольшом плоском подиуме в позе лотоса или типа того, очевидно, та самая Арнелла. Ничего неожиданного: сильно накрашенная дама, жгучая брюнетка неопределимого под добротным слоем макияжа возраста в бесформенном черно-красном одеянии с хреналиардом всевозможных серебряных побрякушек и устрашающе длинными ногтями цвета крови, усыпанных еще и кучей стразов. Да уж, Лерка, тебе есть к чему стремиться. Хотя, чтобы нацепить на себя столько, придется в зал походить и со штангой поприседать наверняка. Нелегка участь настоящих ведьм, ох нелегка. В прямом смысле.

Шепотом извинившись по пути раз двадцать, я таки добралась до пропащей подруги и присела рядом на расстеленные тут покрывала. Сразу скривилась и пересела, умостившись на собственные пятки, и толкнула Лерку в бок, веля ей строгим взглядом тоже оторвать задницу. Жаднючие организаторы явно сэкономили на толщине покрытия, гады.

Глянув на меня только мельком, Лерка подорвалась вообще на колени и подняла вверх руку, зазвенев браслетами.

– Я! Можно теперь мой вопрос! – выкрикнула она. Очевидно, я прослушала, и великая Арнелла предложила озвучивать свои проблемы всем желающим.

– Можно, дитя! – провещала дамочка глубоким, хорошо поставленным голосом и велела: – Подойди.

Лерка, недолго думая, цапнула меня за запястье и, не обратив внимания на мое возмущенное шипение, поперла к подиуму. Дойдя, отпустила наконец и затарахтела, вываливая свою проблему проблем. Я же так и осталась стоять столбом, безразлично поглядывая вокруг.

– А ты, дитя, не хочешь обратиться ко мне с вопросом? – внезапно спросила Арнелла меня, и, обернувшись, я натолкнулась на ее очень цепкий взгляд. Такой пристальный, даже, сказала бы, вторгающийся, что у меня вдоль спины озноб промчался и я поежилась. Черт, не знаю, как насчет ведьминских способностей, потому как бог его знает, как они ощущаются, но что-то не совсем от человека обычного в ней было.

– Нет, спасибо. Предпочитаю пользоваться собственными мозгами и не просить подсказок у камушков, косточек или рисованных картинок, – ответила я не слишком любезно. Хамить привычки не имею, но, видно, на меня эта ее визуальная атака так подействовала плюс недоумение по поводу, что за существо такое передо мной. Не пугала, но озадачивала.

– Сонька! – прошипела на меня возмущенно подруга.

– Что же тогда ты делаешь здесь? – псевдоведьма обвела демонстративно взглядом шатер, полный внимающих ей чудиков.

– Сопровождаю подругу.

– То есть получить ответ, отчего именно ты видишь то, что от других скрыто, не хочешь?

– Ничего я… – начала я, привычно ощетиниваясь, но Лерка сдала меня с потрохами, встав в позу и всем видом провещав: «Ага, а я говорила! Падай ниц и восхищайся великой ведьмой!» – Спасибо, но нет.

– Разве ты не хочешь использовать свой дар на благо других или своего процветания? – не отстала Арнелла, стягивая ко мне все внимание своей

шизанутой публики.

– Слушайте… а не могли бы вы и дальше… – дурить мозги, – заниматься проблемой моей подруги и забыть обо мне?

– Да как пожелаешь, – величаво кивнула она и стрельнула густо накрашенными глазами куда-то вправо, в сторону сплошной стены зарослей, что начиналась прямо за границей шатра. Мне там почудилось нечто большое, темное, вроде как фигура в бесформенном одеянии, но лишь на мгновение. И мало ли тут сейчас бродящих личностей в разного рода балахонах? – Но учти, что ничего не дается просто так.

А то я не знаю. Или просто так живу одна в мои годы, семья знаться не хочет, и мужики если и появляются, то сбегают почти сразу.

– Учту, – буркнула я и, решив, что Лерка и без меня не пропадет пока, пошла из этого балагана.

– Дурдом, да? – подмигнул мне невысокий, но весьма симпатичный крепыш снаружи. – Пива?

Он протянул бутылку. Закрытая. А то мало ли. Я уже почти кивнула, от одной бутылки вреда не будет, но тут заметила тень за его спиной. Нечто, будто состоящее из более густой темноты, чем уже окружающие сумерки. Тряхнула головой и глянула снова. Все то же. Чуть приоткрытые огромные крылья и подрагивающие, как от нетерпения распахнуться в полную силу. От изумления я и рот открыла. Много чего видела-мерещилось, но такое впервые.

– Ага, увидела, – нахмурился крылатый симпатяга. – Выходит, ошибки нет. Ну и славно, а то заждались.

Он стремительно шагнул ко мне и схватил за горло. Тряхнул, и все погасло вокруг под ужасный хруст в позвонках.

Глава 2

– Отвяжите меня! – задергалась я еще сильнее по мере того, как тело начинало слушаться все лучше. И тут же взвизгнула, ощутив болезненный укол в большой палец правой ноги. – Ой! Да какого черта вы это делаете?!

– Уже чувствуешь? – спросил бесполый голос номер один.

– А вы бы не почувствовали такое? Чем вы в меня ткнули? Оно хоть стерильное? Я не хочу умереть от сепсиса!

– Прекрасная, прекрасная скорость, даже поразительная! – бормотал носитель балахона и, при более внимательном рассмотрении, еще и маски, игнорируя мои вопросы и требования. – Просто находка. Удача, каких не было давно.

– Эй, я с вами говорю! – снова взбрыкнула я, вдруг ощутив, что подо мной что-то ужасно твердое, неудобное и совсем не теплое. Еще и мокрое. – Это что тут? Камень? Вы соображаете, что я себе все к чертовой матери застужу? Отвяжите немедленно! Еще и липнет все, мокрое. Это же не шутки, в конце концов, здоровье угробить ничего не стоит.

– Ваша оценка, киор Вайс? – спросил первый забивающий на меня засранец у второго, что мельтешил у огня, который я тоже уже видела примерно метрах в десяти от места, где вынуждена была лежать.

– Минимум пурпур, киор Крас, минимум! – прошелестело в ответ.

– Эй, да что же такое! Вы не можете обсудить ваши цветовые пристрастия после того, как отвяжите меня?

– Еще совсем немного терпения, кио. Процесс еще не полностью завершен.

– Да пока ваш процесс завершится, я точно или цистит, или воспаление в почках подхвачу! – Я действительно начала замерзать, да так быстро, что зубы залязгали. – Кто вы такие вообще? Какой еще процесс?

Ряженые же снова устроили мне полный игнор, переместившись теперь к костру и что-то лопоча между собой. То есть я лежу, замерзаю на холодном мокром булыжнике, а они у огонька греются и ждут спокойно завершения не пойми

какого процесса, который имеет своей целью, видимо, мое угробление в этом рассаднике сырости и наверняка антисанитарии. Вот тут уж я разозлилась. Ни черта не понимаю, что происходит и где я, но оставаться тут точно не хочу.

Засопев от напряжения, я принялась вырываться уже всерьез. Заизвивалась, закрутила руками в удерживающих путах, задергала ногами. Ничего не выходило поначалу, и я стала, не стесняясь, материться себе под нос на чем свет стоит, приказывая этим отчего-то липким заразам отпустить меня. И неожиданно на левой руке захват ослаб, будто крепкая веревка, или что там было, превратилась в податливую резину. Вот и не верь после этого в волшебную силу мата!

Воодушевившись своим успехом, я вывернула руку из пут и, больше не растрачивая силы на вопли, принялась высвобождать и вторую. Носители балахонов так и переговаривались не пойми о чем, стоя у огня ко мне спиной, и я, не мешкая, спихнула удерживающую ленту со лба. Нашарила крепления на груди, сломала пару ногтей, освобождаясь. Села. В голову будто мощный удар прилетел, и все поплыло, завертелось перед глазами, желудок сжался, точно как после крепкого такого возлияния. Я переждала самый пик и взялась за освобождение бедер, а следом и лодыжек. Вот тут мои действия, наконец, засекли.

– Что же вы делаете, кио! – зашипел один из психов. – Остановитесь немедленно! Это опасно, вы навредите себе!

Не размениваясь на болтовню, я перевалилась на бок и шлепнулась с камня, на котором столько возлежала в ожидании прихода пиелонефрита. Больно же как! Но не повод останавливаться. Скуля и подтягивая ушибленную правую ногу, я ринулась вперед в темноту сначала на четвереньках, но быстро мобилизовалась и вернула себе подаренную эволюцией способность к прямохождению. Хотя скорее уж к прямоковылянию.

– Нет, кио, нет, остановитесь! – перешли сзади с шипения на противный визг, а я, сделав очередной шаг, будто впечаталась в невидимый барьер.

– Да мать же вашу так! – захрипела в ярости и отчаянии, уперевшись в преграду лбом и ладонями. И вдруг поняла, что она какая-то странная. Проминается, словно затягивая меня в себя. У меня мелькнула дурацкая ассоциация с

ньютоновской жидкостью, потом мгновение паники, и в следующее – процесс проваливания в это нечто стал стремительным и явно необратимым.

– Кио!.. – каркнули где-то над самым ухом, и я булькнула окончательно, лишившись возможности вдохнуть. Сбежала. Да. Уж.

* * *

Пришла в себя от неяркого света, просачивающегося сквозь веки, и быстренько промониторила свое состояние и положение в пространстве. Сухо, мягко, тепло, лежу. Пахнет приятно, не дымом и сыростью, нигде навскидку не болит. Глянула между ресницами, одновременно напряженно прислушиваясь. Больше всего было похоже, что я лежу на широкой кровати, окруженной со всех сторон плотным пологом темно-красного цвета. Звуки какие-то доносились, но смутно, как из-за толстых стен – ничего не разобрать. Открыла глаза и опасливо покосилась. Так и есть: широченное лежбище с пологом и десятками подушек. Посетила дебильная мысль о похищении в гарем. Или типа того. Ага, эдакая классическая завязка для дамских фэнтезийных романчиков, почитывать которые мне случалось. Осталось поискать затерявшегося среди этого текстиля и подушек самого похитителя. Само собой, красавчика ослепительного (страшилищам и даже ни то ни се середнячкам в романах с похищениями делать нечего, кто ж такого с лету возжелает и все ему простит?) и обязательно сразу голого (нечего тратить воображение и время занятых современных женщин на представление себе их шмотья, когда главное-то под ним; в смысле, сердце золотое и щедрая душа). Похищенная в рамках жанра мигом прониклась бы масштабом постигшей ее в его лице и всенепременно других частях тела удачи и как давай падать в пучину страсти. Чего мешкать-то? Я вот лично всегда была из числа тех самых читателей, нетерпеливых циников, что за быстрый переход героев к собственно разврату во всех его приятных проявлениях. Нет, ну понятно же, к чему все идет, так вперед. К множественным и одновременным оргазмам. С подробным описанием их достижения. Я девушка одинокая в силу независящих от меня обстоятельств, но не без потребностей же. Не удовлетворить, так хоть почитать и помечтать.

Но тут я вспомнила достаточно отчетливо существ в балахонах, лежание на мокром камне, бормотание о заживающем горле и прочие подробности недавнего кошмара, и сразу подумалось, что хрен мне, похоже, а не прикопанный в подушках голый и готовый к многократному и нещадному

употреблению красавец шейх. С моим везением он разве что может быть мертвым или нечистью какой. Опять же сразу припомнился крепыш с пивом и крыльями. Вот. Же. Бля! Неужели подмешал все же какой-то погани в пиво, и я сейчас пребываю под кайфом и все это мои глюки? Ведь наяву я же должна уже в панике биться, а не пространно и отвлеченно размышлять о всякой фигне. Хотя нет. Я ж и пригубить не успела. Или успела, но уже и не помню? Господи, валяюсь сейчас поленом бесчувственным где-то в кустах, а он над телом моим глумится, ублюдок! Лишь бы не насмерть. И не подцепить чего. И не залететь. Лерка, я тебя знаешь как убивать буду, если сама выживу? Жестоко и с особым цинизмом! Но опять же, впасть в панику никак не выходило. Ибо если я под кайфом, от меня мало что зависит. А если нет… то, похоже, тем более.

Полежала еще немного. Ничего не менялось, только живот заурчал, убеждая меня, что черта с два это глюк. Опять же не с моим везением. Тогда что? Меня украли какие-то психи сектанты? Уж вариант с сексуальным рабством с каждой минутой казался все менее вероятным. Разве что на том слете психов в это самое рабство гребли всех без разбора. Я не уродина, но девушек там в разы привлекательней было предостаточно. Но опять же… на вкус и цвет все рабыни разные, и кто его знает, какие в приоритете. Вот участь недорезанной чудом на том типа алтарном камне жертвы скорее уж мое. События вчерашнего (вчерашнего ли?) дня смешивались у меня в голове, путая и пугая, а меж тем есть хотелось все сильнее. Как и в удобства. Так что точно не глюк. И лежи не лежи, а надо двигаться в поисках, где удовлетворить физиологические потребности организма, не лопаться же и не усыхать от голода и жажды. Голова опять немного закружилась, но уже совсем не то, что было. Выглянула за шторки, и пришлось сощуриться. Огромная, очень светлая комната, так как одна стена – сплошь окна с тонкими, мирно колышущимися, серебристыми занавесями. Толстый пестрый ковер, приземистая кушетка у окна, пара массивных кресел, опять же разбросанные повсюду подушки разных форм. Даже навскидку все дорого-богато, шелка-позолота-инкрустация. Под старину. Весьма достоверно причем. Правда, как по мне, эдакой пошловатостью вычурной отдает. Сразу подумалось почему-то «как в дорогом борделе». Старинном. Это явление вне времени. Были всегда и будут.

– Тьфу, Соня, кончай, дура дурацкая! – прошептала и снова озадачилась. Нет, ночью мне не казалось. Голос не мой. И ноги эти длиннющие золотисто-смуглые не мои. Как и все остальное.

– Дочиталась всякой дури фэнтезийной, поздравляю, чё! – прошипела, облапывая свою-не-свою грудь. Вот тут обворовали, сволочи. Обвесили. Моя родная побольше была. Ну да имеем, что имеем.

Быстрый осмотр позволил обнаружить-таки дверь в мир удобств. Одежды никакой в пределах видимости не наблюдалось, а голой шастать я была не готова, поэтому стянула покрывало, довольно увесистое, надо сказать, и покралась к цели, волоча излишки текстиля за собой хвостом. Санузел вполне себе современного вида, разве что опять с чересчур нарочитой, режущей глаз роскошью. Позолота, блеск огромных зеркал, камень. Ну все как и полагается в книжках подобного сорта. Вот никак не выходит у меня начать воспринимать все всерьез. Такое чувство, что само сознание подернуто некой дымкой нереальности. Смотришь, трогаешь, да вот оно все вокруг осязаемое, но разум все упрямится и выискивает что-то. Признаки морока или искусственности.

– Мамочки, – уронила, уставившись в зеркале на незнакомку. Высокую, обнаженную, тонкую-звонкую, экзотично-чрезмерно-красивую. С какими-то неимоверно огромными, как у ночного зверя, раскосыми темными глазами, торчащими густыми черными растрепанными лохмами и бледно-розовой полоской поперек горла. Вот тут у меня уже ни сказать, ни подумать ничего внятного не нашлось, кроме «ни хрена себе, трындец».

Глава 3

Я еще занималась изучением собственного отражения, обнаружив помимо красоты неземной и несколько подозрительных, как будто недосмытых, бурых мазков на коже то тут, то там, но вдруг послышались уже вполне отчетливые голоса. Кто-то вошел, судя по всему, в мой типа бордельный будуар. И был этот кто-то не один, потому как я успела расслышать спор как минимум двух голосов. Немного шепелявый, как из того кошмара на камне у огня, и второй, однозначно мужской. Ага, именно так. Глубокий, из тех, что принято называть хорошо поставленными, с легко уловимыми властными нотками.

– Светила наши, еще слишком рано! – это частил шепелявый. – Кио Хитоми еще не восстановилась полностью и не способна приветствовать вас как положено!

В его голосе мне отчетливо послышался испуг.

– Ее нет в постели, – возразил ему второй, – то есть силы встать у нее нашлись. Значит, и встретить нас их достаточно.

А вот тут от голоса прямо-таки разит запредельной заносчивостью. В постели нет меня, то бишь и речь обо мне. Ну и как это «как положено», и кого я должна мочь приветствовать по восстановлении, и что за персона там охреневшая, которая требовать этого готова от едва стоящего на ногах человека. Ладно, я стояла на них вполне уверенно, и взгляд на отражение в зеркале прозрачно намекал, что на человека прежнего в полном смысле слова я не тяну. Ой. А хвоста хоть нет?

Выяснить это я не успела. Дверь распахнулась. Показалась согбенная подобострастно спина носителя балахона, темно-фиолетового, кстати. Он пятился, а теснили его двое… хм… Светил. В принципе, очень точное определение. Двое высоких, худощавых мужчин, похожих, как клоны. И слепящих глаза равномерной позолотой повсюду. В смысле у них были богатые шевелюры именно золотого, а не какого-нибудь соломенно-желтого, медового или просто блондинистого цвета. Кожа тоже излучала мягкое свечение более светлого, но опять же именно золотистого цвета. Не загар, приближенный к такому оттенку. Нет. Будто напыление на коже, и даже присущий драгоценному металлу блеск присутствовал. Опять же одежда не выбивалась из общей гаммы. Сверкающее сплошное золотое шитье с множественными вкраплениями таких же золотистых камней. И глаза, что уставились на меня, – две пары с золотистой радужкой. Я замерла, не зная, как реагировать, а в голове снова закрутилась какая-то чушь. Вроде того, что золотые брови и ресницы – так себе зрелище, к такому привыкнуть надо, чтобы не пялиться. Краска, интересно, для кожи не слишком вредная? Дерматит потом не задолбаются лечить? Да и костюмчики эти, сплошь расшитые, у них весят немало небось, охота бы была на себе такое таскать.

– Кио Хитоми! – произнес золотой мужик слева таким тоном, будто чего-то ожидал.

Чего? Судя по тону – как минимум падения к его стопам, коленопреклоненного лобызания рук или типа того.

– Кто? – автоматически спросила я.

Балахононосец развернулся на месте с ловкостью фокусника, не разгибая спины, и больно вцепился в запястье, дергая меня вниз, и зашипел едва слышно:

– Преклони колени перед Светилами! – Ага, то есть мне не показалось, и с ожиданиями на мой счет визитеров я не ошиблась. И вот теперь я увидела его лицо и чуть не шарахнулась. Землисто-серая морщинистая кожа и крошечные черные, напоминающие птичьи глазки. Сходство усиливал крючковатый нос и седые лохмы над острыми ушами. Страсть господня!

– Я же говорил, что она еще не восстановилась, Светилы! Не понимает, где и перед кем, – шепелявил он уже золотым, дергая меня вниз, чуть не выдирая руку из сустава.

Я только открыла рот возмутиться, как поводов для возмущения прибавилось.

– Оставь ее, Вайс! – велел правый золотой, и они стремительно подошли, по сути, налетели на меня, оттеснив противного псевдоптица в балахоне.

Не успела и ойкнуть, как один из Светил, я и не уловила кто, сдернул с меня покрывало, отбросив в сторону тяжелую ткань, как тончайший носовой платок.

– Да что вы…

Золотые цапнули меня каждый за запястье со своей стороны, не заметив моего сопротивления, подняли мне руки, вцепившись и ощупав сверху вниз и обратно изучающими беспардонными взглядами. Как вещь или животное на рынке. Отпустив, закружили вокруг, что две акулы, примеривающиеся, какой кусок отхватить.

– Как вы смее…

– Ну хоть в этот раз вы, похоже, ничего не испортили.

Опять будто и не заметив моей попытки возмутиться, один из них обхватил мой подбородок, властно поднимая лицо, и всмотрелся. Жутко так. Вроде на меня, в

глаза, но словно и сквозь, не меня видя. Но по-настоящему меня другое шокировало. Возбуждение. Оно обрушилось, как окатив меня с макушки до пят, ударив и в низ живота и под дых. Сроду ничего такого я не испытывала. Особенно потому, что ощущалось оно мощнее некуда, но не моим! Чуждым. Инородным. Не тем самым «ее тело предало», как в книгах. Меня не предавало ни разу, не то чтобы я эксперт в вопросах внезапного и неуправляемого утекания мозгов между ног. Возможно, с мужчинами я такими, провоцирующими этим предательства и утекания, не пересекалась, но не суть. Главное было то, что меня как мороком похотливым одурманило и обездвижило, отняв и способность говорить заодно. Язык будто мощнейшей анестезией сковало. И вот тут-то стало страшно наконец. Прямо-таки жутко, но на общее состояние, оно же дикий приступ вожделения, это никак не повлияло. Золотой, не отпуская моего подбородка, ласкающе провел большим пальцем удерживающей руки по моей щеке, и у меня задрожало мелко-гадко-необоримо внутри, те самые пресловутые мышцы лона или еще чего, и, к своему отвращению, я почувствовала, что по внутренней стороне правого бедра тягуче потекло, а спину неумолимо прогнуло. Из груди полился протяжный пошлый стон, палец золотого скользнул по губам, и я (или не я, черт его разберет, и провалиться бы ему) обхватила его губами и обласкала подушечку языком с готовностью хорошо вышколенной хозяином собаки, мыча при этом, как маловменяемая. И это уже до такой степени возмутило меня, что ярко вспыхнувшее на подобное дикое состояние бешенство мгновенно выжгло гадкий морок, как свет рассвета нечисть. Я отшатнулась, потеряла вдруг равновесие, колени подогнулись, и рухнула под ноги золотым.

Ни один из них даже не дернулся меня поймать и руку подать, помогая подняться. Уставились сверху в явном раздражении.

– Светила, я же говорил, что кио Хитоми еще не восстановилась! – метнулся ко мне только ряженый в балахон.

– Сколько еще? – раздраженно спросил золотой слева.

– Сутки. Или двое.

– И мы надеемся, что к тому времени этот мерзкий шрам тоже исчезнет, – с заметной долей брезгливости не уточнил, а велел правый золотой.

– Да-да, непременно, – закивал слуга подобострастно, поднимая все же меня за плечи.

– Двое суток, – подвел черту один из Светил. – Кио Хитоми, мы скучали по тебе.

Прозвучало это «скучали» как «нам похрен, насколько ты будешь в порядке через двое суток, мы возьмем что хотим».

И они вымелись из ванной все вместе, а я осталась стоять, вопрошая себя, что это было и чего от меня хотят. Хотя нет, вопросом вопросов было, какого такого черта со мной происходило.

Окончательно отдышавшись, прогоняя дикий морок похоти, я поплескала водой на лицо, продолжая привыкать, что оно теперь мое. Воспользовалась остальными удобствами, с облегчением констатировав, что ни хвоста у меня не нашлось, ни других каких-то радикальных изменений в анатомии тоже вроде не выявлено. Как и цистита, славатехосподи, после возлежаний на холодном камне.

Вернулась к зеркалу, еще покрутилась. Странно-то как. Это… ну, в смысле я была сложена, почти как рисованный перс из анимэ. Не совсем уж по-мультяшному, но все же. Эдакие суперидеальные формы, не считая груди. И спасибо, если честно. Я представила, как выглядела бы даже со своей родной на этом гиперизящном теле и передернулась. Это сразу уже не просто перс анимэ вышел, а того его разряда, что 21+.

Желудок опять заурчал. Кормить меня никто не спешил, псевдоптиц тоже не возвращался, видимо обихаживая этих Светил. Пойти на поиски пропитания самостоятельно? Глянув на дверь, я заскочила по-быстренькому в огромную, как на целую толпу, ванну, ополоснулась в темпе, смывая все бурые потеки, что нашла, и завернулась в отрез мягкой ткани, стопка каких была сложена на подозрительно широкой скамье у ванны-гиганта. И только тогда разглядела на той же скамье еще кучу разложенных предметов и в панике сглотнула.

– Твою же мать! – прошипела, обозревая целую коллекцию вещиц, предназначение которых сложно было истолковать двояко. И нет, судя по этому арсеналу шаловливого извращенца, мои первоначальные мыслишки о том, что больно уж все смахивает на бордель, подтверждались. А значит, и по поводу того, за чем явятся эти Светила через два дня, версий не слишком много

оставалось. Собственно, одна. И я на такое не готова подписаться. Но великих мозгов не надо, чтобы понять, памятуя мою неестественную реакцию на золотых засранцев, что мое мнение в этом вопросе ни черта не решает.

Кусая губы и уже откровенно паникуя и бесясь одновременно, я вышла в будуар и принялась выглядывать в окна. Походу, это был какой-то внутренний двор, занятый роскошным цветущим садом и со всех сторон окруженный стенами здания. В окнах напротив кто-то мелькнул, и я шарахнулась на всякий случай. Мои окна были где-то на высоте пары метров от земли, выбраться – ерунда делов, но что-то пользы от этого не вижу. Если этот двор замкнут со всех сторон, то куда из него попадешь? Стоп! Соня, блин, а не следует ли начать с вопроса, где ты в принципе и куда попадать собралась?! И так уж попала… Явно же, судя по отражению в зеркале, вопрос не стоит о возвращении в привычное пространство, потому как, на минуточку, тело свое бы для начала вернуть. Если это возможно. Я еще раз потрясла головой, поражаясь тому, как же это вообще в голове у меня укладывается. Переселение это. Но некоторые вещи приходится воспринимать как свершившийся и вполне осязаемый факт. Для подтверждения осязаемости я себя больно ущипнула за идеально стройное бедро. Так, факт есть факт. Дальше что? Информация. Кто, где, зачем, на кой черт? И поесть. Ей-богу, я пополам сломаюсь уже, если не найду, чем набить свой впалый живот.

Глава 4

Осмотр большой комнаты помог быстро обнаружить платяной шкаф. Настроение при виде его содержимого опустилось еще ниже. Будто бы есть еще куда. Вся одежда была поделена на две части. Относительно приличные наряды, роскошные струящиеся платья ярких цветов с богатым шитьем длинным рядом в полстены справа и такое же количество абсолютно порнушных тряпочек, ленточек, корсетов и прочего понятно и наивному для каких целей барахла. Сука!

Выбрав желтое приличное платье без обилия вышивки и камней, я облачилась в него. Сунула ноги в вычурные туфли с на редкость неустойчивыми изогнутыми каблуками и закрученными лихо носками. На втором же шаге чуть не рухнула, потому как выяснилось, что подол безбожно цепляется за эти дико закрученные носки. А неустойчивость все еще и усугубляла. Обуви другого фасона в шкафу не

было. Девиз «красота требует жертв» тут явно в ходу. Вот уж никогда это не было моим жизненным принципом.

– Черт с вами, – пропыхтела себе под нос.

Идти получалось только крошечными семенящими шажками. Мне подумалось, что от такого у меня должны адски разболеться икры уже минут через пять. Но нет. Очевидно, это тело к такому передвижению было привычным. Вышла из будуара.

Небольшой коридор с дверями в обоих концах. Пошла в одну сторону. Дверь открылась в тот самый сад, что был виден из окна. Ясно, выпрыгивать необходимость отпадает. Другая же вела в еще один коридор, шире, длиннее, с нишами, занавешенными тканью, и тумбами со всякими предметами искусства. При ближайшем рассмотрении предметы эти оказались статуями, бюстами, просто отдельно головами все тех же Светил. Культ двух личностей. Ну, ожидаемо, чего уж.

Впереди были слышны голоса и смех, и я пошла на них. Коридор, свернув за угол, закончился распахнутыми настежь двустворчатыми дверями, ведущими в огромный зал. И он не пустовал. Я притаилась в ближайшей к нему нише, обнаружив там небольшой диванчик. И весьма символичную удлиненную подушечку на полу. Угу, этому больше не удивляемся.

– Кио Инсара, прекратите вы метаться, словно рхина в клетке, – произнес один женский голос, в котором звучала изрядная доля насмешки.

– Да, действительно, вы этими хождениями разрушаете мое душевное равновесие, – поддакнула ей еще одна женщина. И там захихикали.

– Они ушли! – с трагическим придыханием ответили им. – Просто навестили эту… Хитоми и ушли! На меня едва взглянули, хотя я пригласила их в свой будуар и буквально истекала для них.

Истекала? М-да. И, походу, говорят обо мне. В смысле о той Хитоми, в которой я сижу.

– Что с того? – фыркнула собеседница королевы драмы с протекшим днищем. – Наши Светила вольны посещать любую из нас или отказываться от этого. Не сегодня, так завтра. Значит, они не нуждались ни в ком из нас.

Кто-то пошушукался, и раздался взрыв смеха. Очень, похоже, нетрезвого.

– О, вы бы так не смеялись, кио Ясира, если бы перестали заливать глаза флопсом и потрудились посчитать, сколько раз наши Светила посетили нас с момента появления этой Хитоми! И что только они нашли в этой безродной?!

– Очевидно, молодость, красоту и новизну. Это проходяще, кио Инсара. И скоро их внимание вернется к нам, – безразлично ответили ей.

– Вы так говорите, потому что никогда и не испытывали истинной страстной любви к нашим Светилам и не стремились угождать им, отдавая себя целиком, как я! – продолжала истерить первая.

– Честь вам и хвала, что вы стараетесь за всех нас, беспутных, – снова одарили ее невозмутимой саркастичностью.

– Мое сердце рвется на части! – навзрыд выдохнула Инсара.

– Да тебя ломает, наркоманье конченое, – раздался тишайший шепот где-то совсем рядом с моим убежищем, и я от неожиданности подвернула ногу на гадских каблуках и охнула. Негромко, но тот, кто был за занавесью, наверняка слышал, и скрываться дальше смысла не было.

Я отодвинула ткань и уставилась на женщину, сидящую в кресле на больших колесах, больше всего напоминающее инвалидное. Молодая, сногшибательно красивая, с просто роскошной копной огненно-рыжих волос, потрясающей кожей и абсолютно пустым взглядом ярко-зеленых глаз. И это при том, что мне голос показался мужским. Я на всякий случай зыркнула в обе стороны коридора, но никого больше не было. Хотя, учитывая наличие тут этих ниш, не факт, что обладатель голоса не прятался в одной из них. Однако устраивать поиски я точно не собиралась. Кресло с рыжей красавицей медленно катилось в сторону зала как бы само собой, и я пристроилась сзади.

– Вы не испытываете яростного стремления отдавать всех себя нашим Светилам! – продолжила чокнутая баба с посылом «стыд и позор вам».

– Зато вы его испытываете за всех нас, – насмешливо ответили паникерше.

– Испытываю! И напоминаю вам, что Хитоми пережила обряд подселения, а значит, теперь имеет все шансы заполучить еще больше внимания Светил.

– Больше внимания – короче жизнь, – тихо-тихо ответил кто-то и фыркнул насмешливо, и тут я уже вошла в зал.

Чего?

– О, кио Хитоми, вы уже на ногах! Мы так рады за вас! – послышалось со всех сторон дружно, громко и в высшей степени лживо.

Женщины, всего пять штук, разодетые в яркие разноцветные платья вроде моего, сидели в креслах, возлежали на кушетках. В зале – просто море цветов в вазах, за распахнутыми окнами тоже буйство цветущей флоры, столики с какими-то угощениями около каждой. И ожидаемо – они все красивы. Каждая по-своему, но однозначно великолепны.

– Шрам еще не сошел? Выглядит ужасно, – сообщила возлежащая с бокалом дама в лавандовом, яркая шатенка со смугловатой кожей и интенсивно-голубыми глазами. И вот ее голос прозвучал искренне и чуток нетрезво. Она отсалютовала мне и отхлебнула.

– Вам наверняка еще не стоило вставать, кио Хитоми! – кинулась ко мне навстречу темнокожая красавица, напоминающая те самые экзотические африканские статуэтки, на которые я загляделась как-то, зайдя в антикварную лавку.

Ага, вот и истеричка опознана. И взгляд шокирующе прозрачно-желтых на фоне шоколадной кожи глаз полон сдерживаемой, но однозначно лютой ненависти. Красивая. Ну чисто змея. Ведь, как ни крути, и в них есть красота, пластичность, совершенство формы и смертоносность при этом.

– Послушайте… ай! – Я только собиралась вывалить на них кучу вопросов, с пояснениями, что на внимание этих крашеных золотомордых не претендую, как ощутила болезненный удар по своей голени. Такой сильный, что я едва сдержалась, чтобы не запрыгать на одной ноге, шипя.

Обернулась, но позади было только кресло с недвижимой и безразличной ко всему рыжей. Она по-прежнему пялилась в никуда, и очень сомневаюсь, что двигалась, тем более могла меня пнуть. Быстро осмотрела пол вокруг себя. Может, тут животные какие-то? Нет, ничего подобного.

– Что, кио Хитоми? – «встревожилась» Инсара, а у самой чуть физиономию не перекосило от радости. – Вам плохо?

Сколько же искренней надежды в этом вопросе.

– Она наверняка дико голодна, – вмешалась алкашка в лавандовом и икнула. – Голод – это первое, что я помню после обряда. Эй, хиги, принесите пищу кио Хитоми! И мне прихватите чего-нибудь!

– Присядьте, кио Хитоми! – потянула меня к ближайшему креслу Инсара, наверняка желая на самом деле мне прилечь в могилу. – Сейчас принесут пищу. Но будьте осторожны, силы нужно набирать не торопясь. Наши Светила будут безмерно расстроены, если вы начнете болеть и у обряда появятся последствия. Например, как у кио Гройли, – и она зыркнула на рыжую, что медленно катила на своем кресле мимо меня.

– Да уж, у меня прямо мороз по коже, как гляну на эту бедолагу, – встряла в разговор блондинка, сидевшая у окна. Как и все – красивая, высокая, изящная, большеглазая да еще и остроухая. – Почему ее сразу же не умертвили из жалости, раз толку от нее все равно никакого? – Ага, а еще она и «добрая», как погляжу.

– Потому что киор Вайс заверил Светил, что он в ближайшее время исправит все, – ответила ей лежащая на кушетке с книгой еще одна местная женская особь.

Общие внешние характеристики все те же, что и у всех присутствующих, включая меня, только пышная грива у нее была черная с красноватым на свету

отблеском. Божечки, мы тут напоминаем коллекцию на любой вкус и цвет. Думается мне, ею и являемся.

– Ну еще бы он их в этом не заверил, – хохотнула антагонистка здорового образа жизни.

Я устала только слушать и рот открыла все же задать миллион своих вопросов, но вдруг у рыжей, как раз катившей медленно мимо моего кресла, оттопырился средний палец и длинный острый ноготь черкнул по моему локтю. И вздрогнув, я на этот раз успела уловить некий проблеск жизни в мгновенно опять опустевших зеленых глазах. И если я правильно поняла, то это был четкий «заткнись!» посыл. Ну я и заткнулась.

Буквально через минуту, за которую у меня успела разболеться голова от фальшивого воркования надо мной Инсары, приземистые, едва ли по грудь здешним дамам существа принесли блюда с закусками и сноровисто сервировали столик передо мной и продолжающей заливать голубые очи дамой. Прежде чем приступить к еде, я незаметно понаблюдала за ней, подмечая манеру поведения за столом. К каждой закуске тут прилагалась изящная золотая вилочка на длинной ручке и как минимум три вида соусов. Подцепив ближайшее ко мне нечто, я окунула его в другое розоватое нечто и нарочито оттопырив мизинец, сунула в рот. Вкус… очень странно ощущался. Словно внутри вспыхнул моментально конфликт между частью меня, что очень привычно находила его более чем приятным, и второй частью, что, собственно, я и есть, и вот я как-то не восторге была. Но мужественно сказала себе, что набить воющий желудок сейчас важнее, чем погурманствовать. Так что цепляла, макала и глотала. Подумаешь, есть люди, что считают деликатесом сюрстремминг и касу марцу. Здесь по-крайней мере не воняло тухлым и ничего не шевелилось.

– Кио Хитоми, наши киоры уже сказали вам, когда ожидают вашего проявления? – уселась, прекратив наконец тусить надо мной, темнокожая завистливая пиявка.

Чего? Проявления? Будто бы я знаю, о чем она. Поэтому ответила просто:

– Нет.

– Ах, наверняка вам обряд дался невероятно тяжело, – продолжила она доставать своим псевдосочувствием. – Не в моем праве обсуждать решения наших Светил, но все же обряд для той, кто не рожден был для него изначально, – такое рискованное дело. Хотя это же наша обязанность и радость служить нашим Светилам и даже умереть в угоду им, продолжая обожать безмерно. Ведь так, кио Хитоми?

– Угу, – кивнула я, стараясь не думать о вкусе, только о процессе насыщения. Господи, да как же тебя бомбит, тетка! Уже и на пренебрежение к моей жизни намекнуть успела, и подчеркнуть мизерную значимость, и смешать с общей толпой таких же незначимых. Вот же старается болезная. Да пофиг. Сонька слушает да ест.

– А мне раньше казалось, что вы не слишком жалуете мискас, кио Хитоми, – влезла в трепотню темнокожей доставалы пьянчужка в лавандовом, кивая на очередной подцепленный из новой тарелочки кусочек. Я уже съела два таких и ближайший аналог вкуса – это старый волокнистый кабачок, чуток отваренный без соли. Ни один из двух уже попробованных соусов вкуса не улучшал. И чем менее голодной я становилась, тем тяжелей впихивалось.

Так… Это я типа прокололась?

– Ой, а у меня после обряда тоже сильно поменялись вкусы, причем надолго, – выручила меня блондинка. – Очевидно, у этих людей весьма они своеобразны. Все наши роскошные яства казались ужасными, пока чужая сущность не утратила себя окончательно и не развеялась.

Вот тут у меня кусок встал поперек горла. Это что значит? Что скоро я исчезну? Развеюсь? Какого черта?

Резко вскочила, едва не опрокинув стол. И именно этот момент выбрал балахонистый птиц для своего появления.

– Кио Хитоми! – взвизгнул он и понесся ко мне через зал. – Что же вы делаете?! Вам нельзя есть такую тяжелую пищу так скоро после обряда!

Меня внезапно затошнило, и я обвела зал с красавицами растерянным взглядом, встречая повсюду в ответ злорадные. Вот ведь гадины! И только в пустых очах

рыжей мумии опять мелькнуло нечто очень похожее на предупреждение. А дальше мне стало не до них всех. Сбросив проклятые туфли я рванула из зала, зажав рот.

Глава 5

– Итак, теперь, когда вам уже лучше, кио Хитоми, я хотел бы услышать от вас, что вы помните о себе, – закружил, как примеряющийся тяпнуть хитрый хорек, около меня, сидящей в кресле, Вайс.

Донести до санузла в своем будуаре коварно подсунутую лохушке мне подлыми ушастыми бабами еду я успела. Бежала как никогда в жизни, опережая бурный привет от организма. После псевдоптиц напоил меня чем-то, что напоминало безвкусный густой овсяной кисель, и мне полегчало. Голод не вернулся, и тошнота тоже. И поспешил приступить к допросу. Вот только что отвечать ему – я понятия не имела. Рыжая притворщица от чего-то предостерегала меня. От чего – я не имела ни малейшего представления. Но после этого «заботливого» кормления стервами хорошего не ожидала. Впрочем, я его уже после секс-приспособ в ванной перестала ожидать.

– Простите, но я не помню вообще ничего, – выбрала я самое безопасное. – Не понимаю, где я, кто и зачем.

Логично же, что он должен меня начать просвещать на сей счет? Вроде да. Не факт, что правду скажет, но хоть в общих чертах понятно станет.

– Совсем ничего? – прищурил подозрительно круглые глаза балахононосец. – Ни единого обстоятельства вашей жизни? Ни здесь, ни… где-то еще?

Про где-то еще я помнила, и прекрасно, но свербеж в пятой точке настойчиво намекал, что про это говорить не следует. Или же это произрастало из оброненного блондинкой о рассеивании человеческой личности. И это, насколько мне хватало мозгов понять, было правильным ходом событий для местных. Моя же личность пока признаков рассеивания не проявляла, вся при мне, но вряд ли это стоит афишировать.

– Нет, – взмахнула я ресницами, глядя честнее некуда. Ну, я надеюсь. Не факт, что уже удается совладать с мимикой на новом лице. Или гримасы в стиле кота из Шрэка здесь считают умильными. – Кто те, – заносчивые золотые засранцы, – мужчины, что приходили ко мне?

– Неужели вы и наших Светил не припоминаете? – продолжил подозрительно пыриться на меня киор, будто я чуть ли не преступница. – Мужчин, в чьей постели вы проводили почти каждую ночь последние два месяца?

О-о-о… то есть… ни хрена себе! Да как это… вообще! Я не такая! С двумя? Серьезно? По очереди или… не-е-е-ет! Да мои сексуальные приключения до сих пор до минета-то всего раз доходили, никакого, блин, экстрима, жесткача или даже фантазий о групповушке. Два месяца? Каждую ночь? Ну и шалава ты, прости господи, кио Хитоми! То есть… нет, я не ханжа, каждый делает что хочет и с кем, но блин! Теперь, по всему выходит, в этом теле живу я и ни хрена не готова расхлебывать последствия чьей-то похотливости!

И погодите… Это, получается, и остальных, включая эту истеричку Инсару, Светила тоже вдвоем… хм-м-м… В смысле… это в порядке вещей? В этом мире или конкретно здесь? Почему? У этих Светил по одиночке проблемы? Да плевать мне на это, не о том думать надо, Соня!

Мое зависание не ускользнуло от киора Вайса. Но он счел это признаком пробуждения моей памяти.

– Ну же, теперь припоминаете, кио Хитоми? – Да боже меня упаси от таких воспоминаний! – Вы являетесь их любимицей, и внимание Светил приковано к вам с того момента, как они купили вас у вашей семьи. – Купили? Как козу на базаре? – Два месяца назад они посетили вашу родную провинцию Лашкод, страдающую от жесточайшей засухи, и вернули своей благословенной силой воду в колодцы, горные ключи и родники, уничтожив злонамеренное заклятье подземных Нечистых. Все чествовали и прославляли их. В том числе и ваши близкие вместе с вами. И к вашему счастью, взоры Светил выделили вас в тысячной толпе, и возраст вашего позволения наступил ровно за сутки до этого счастливого события. Ваша семья была готова принести вашу невинность Светилам и просто так, в благодарственный дар за чудо. Но наши Светила всегда славились необычайной щедростью и благородством, так что ваша семья теперь богатейшая в вашей провинции и может гордо заявлять всем, что вы проживаете в дворцовых чертогах на правах избранной, – вещал Вайс, так и

расхаживая вокруг меня и цепко вглядываясь в лицо, на коем я очень старалась изобразить озарение вместо отвращения. – Вашему везению люто завидуют все женщины империи, а после удачного прохождения обряда подселения и даже все Проводницы.

Да уж, есть чему позавидовать, ничего не скажешь. Родная семья продала невинную девчонку двум правителям-извращугам в безраздельное пользование. Те ее, я так понимаю, мигом развратили, превратив в нимфоманку, у которой по ногам течет, только они до нее дотронутся. И так они ее «любят», что заставили пройти какой-то чертов обряд, под который, я так понимаю, отбирают обычно каких-то специально заточенных теток. И еще толком не оклемалась, как они уже примчались с намерением ее поиметь на радостях, что кони не двинула, видно. Да еще и эти самые тетки ее, судя по всему, ненавидят люто за все про все. Да ошизительное везение. И у самой Хитоми, и у меня теперь. Мне мигом прямо жалко так стало нас обеих. Но себя жальче. Потому что если моей человеческой сущности суждено развеяться в ближайшее время, то я исчезну, и все. Кончилась Соня Самойлова. Еще в жизни ничего толком не повидавшая, кроме разве всякой чертовщины, что другие видеть не в состоянии. Ни любви безумной, ни замужества, ни детей не случилось. Как тут не пожалеть. Но и если каким-то макаром вышло, что, наоборот, сущность Хитоми развеялась, а я остаюсь, то все равно жалко себя. Мне же теперь во всем этом дерьме барахтаться.

– Ну что, теперь-то вы все вспомнили, кио Хитоми? – напомнил мне о своем навязчивом присутствии киор Вайс. – Или же я могу помочь вашей памяти с помощью замечательного зелья.

– Замечательного? – насторожилась я.

– Безусловно, за исключением небольшого побочного эффекта в виде головной боли. Довольно… продолжительной. Что, как вы понимаете, не придаст хорошего расположения духа нашим Светилам.

Ссышь, птиц лупатый? Ага, так и есть. Потому и кружишь тут и тревожно в лицо мне зыркаешь. Задница-то в огне, походу.

– Не нужно зелья, киор Вайс, – осклабилась я в улыбочке. – Я вспомнила уже почти все. Остались какие-то мелочи, и они вспомнятся в ближайшее время.

– Вы уверены? – Наши взгляды столкнулись. А ведь он ни черта мне не верит. Но вот ведь какая штука, и признавать, что что-то (читай все) пошло не так, тоже категорически не желает. Потому как, очевидно, Светилы его по голове за это не погладят, а то и, гляди, отхватят ее.

– Не надо зелья, – отчеканила я, не прерывая зрительный контакт. Откуда мне знать, что ты, гад пучеглазый, не предпочтешь меня насмерть опоить или вон как ту бедолагу рыжую до состояния растения, только бы концы в воду. – Киор Вайс, я бы еще поспала. Благодарю за заботу.

Я приподняла брови и многозначительно указала глазами на дверь, предлагая свалить.

– Я приду завтра прямо с утра, и мы с вами освежим еще вашу память, если за ночь она не станет полной, – прозвучало зловеще.

– Безусловно. – Держи карман шире, как же.

– Снов вам крепких, кио Хитоми, набирайтесь сил. Они вам будут очень нужны. Светила скучали. – Это «скучали» прозвучало пипец как угрожающе. Даже при всем моем уже понимании, какого рода эта скука, почудилось, что под очевидным мне слоем дерьма есть еще нечто. И куда как хуже. Из разряда того, от чего хочется перекреститься, истово шепча «чур меня!».

Само собой, ни о каком сне и речь не шла. И не только потому, что за окном белый день. Черт его знает, есть ли тут вообще ночь. Или это чисто фигура речи и погрешности перевода в моей голове. Я же помню эту задержку поначалу, когда до меня не сразу «доходило». Типа переводчик барахлил. Надеюсь, он не работает, как автоматический на том же Гугле. Иначе хрен знает, насколько правдиво я воспринимаю все, что говорят вокруг. Но исходя из того, что уже узнала… что, блин, мне делать? Я НЕ ХОЧУ! Не хочу быть постельной игрушкой для этих золотых Светил. Да у меня от одной мысли, что кто-то из них опять коснется и я перестану собой владеть, тошнота подкатывает. Может, Хитоми, выросшей тут, это подходило и было даже за счастье, но не для меня. Нет! Золотые идолища вызывали у меня только жесткое отторжение, так что эта реакция тела ощущалась полноценным актом насилия над собственной природой. Супер. Ладно. С этим ясность. И что делать-то? Куда мне бежать? И есть ли вообще вариант убежать?

Навернув кругов сто по комнате, прежде чем осознала, что мечусь как зверюга в клетке, я забралась-таки в постель за плотный багровый занавес и вытянулась, решая, как же мне быть.

Естественно, сон не шел, и я то и дело переворачивалась, барахтаясь во всех этих подушках и покрывалах. Промучавшись так около часа, вылезла из своего убежища и поплелась в ванную. За большими окнами уже начало темнеть. Интересно, насколько активна тут ночная жизнь и есть ли у меня шанс побродить незаметно и приглядеться? Изучить, скажем, входы-выходы, наличие охраны и присмотра.

Умывшись, я решила для разведывательной цели надеть платье потемнее. К сожалению, темнее ярко-синего ничего не было, и на нем было столько шитья и камней, что вряд ли существовал шанс не быть замеченной издалека. Никакой более простой одежды кио Хитоми не обзавелась, или же она ей не полагалась. Только эти наряды, явно призванные превратить ее в подобие яркой птички, при этом малоудобные, жмущие и натирающие, надо заметить, но, походу, это никого тут не волновало. И еще одна тонкость. В подобном облачении сложно представить себя сбегающей из дворца и скрывающейся в толпе. Скорее уж в ней выделяющейся. Хотя здешние толпы я не видела, но очень вряд ли, чтобы местные повседневные наряды для всех были такими. Я еще размышляла о том, где и как в случае чего раздобыть нормальную одежду, как со стороны двери послышался тихий скрип. Не придумав ничего лучшего, я шнырнула внутрь шкафа и прикрыла дверь, оставляя небольшую щелку для подглядывания. Кто-то пришел посмотреть на меня? Светилы все же решили вернуться сегодня? Чего бы они крались? Потому как тихие осторожные шаги раздавались уже внутри. Придушить во сне подушкой кто-то решил? Блин, ну и как мне себя защитить? А если у визитера оружие? Эх, надо было в ванной прятаться, там бы хоть секс-игрушками могла отбиваться, они же там все сплошь из золота. Врезать можно от души. Перспектива проломить чью-то голову дилдо из драгметалла отчего-то развеселила меня так, что пришлось рот зажимать. Очень уместное веселье, Соня, самое время. Опустившись, я нашарила хотя бы эти кошмарные туфли по местной моде и взяла по одной в руку. Хоть что-то.

В сумраке, уже заполнявшем помещение, я смогла различить стройный женский силуэт, что, крадучись, приблизился к занавесу над кроватью. Ну и кто же это и зачем? Сто процентов истеричка Инсара.

– Хитоми, малыш, это я. Ты же не спишь? – от раздавшегося в тишине шепота, а главное – однозначно похотливой интонации в нем, я чуть из укрытия не вывалилась. Но куда как больше всего меня изумило то, что я могу поспорить, что это тот же самый мужской голос, который я слышала в коридоре, когда пряталась перед залом, подслушивая. – Ты уже голая и готовая для меня, мм-м?

Чего? Да одуреть просто можно личная жизнь у этой Хитоми была. Ей этих двух золотых извратов мало было, так она еще и с кем-то из бабья местного замутила? Впрочем, откуда мне знать, может, с этой у нее типа по любви. Но все равно… офигеть можно!

– Ну же, ласковый котеночек, ты хочешь быть хорошенько вылизанной? – продолжила ворковать визитерка низковато и хрипло.

Вдруг что-то абсолютно невидимое в темноте коснулось моей шеи и защекотало по коже. Что-то явно живое. Я не боюсь всего того, что испугало бы до смерти большинство людей. Лярвы, мавки, лешие, мяцкаи, домовые – существа злобные и пофигистичные к людям – для меня ежедневная обыденность. Но вот пауков и прочую ползучую погань на дух не выношу. Настолько, что с визгом вывалилась из шкафа, пытаясь стряхнуть это с себя, прежде чем успела остановить свою инстинктивную реакцию.

– Какого хрена ты так шумишь? – зашипели на меня от кровати. – Хочешь спалить нас с потрохами, идиотка?

Я, ошалев, уставилась на стоящую у постели рыжую. Вполне себе ходячую и с очень даже осмысленным взглядом. И голос у нее был именно тот, что я слышала. Низковатый, хриплый, с закрытыми глазами опознаваемый скорее как мужской.

Глава 6

– Ты кто такая? – потребовала я, все еще продолжая шарить по шее и волосам в поисках щекотавшей меня живой гнуси одной рукой, воинственно потряхивая туфлей в другой.

– Зависит от того, кто ты, – ответила рыжая, ухмыльнувшись.

– Это что еще значит?

– То и значит. Ты все еще Хитоми или уже нечто большее? – презрительно блеснув в полумраке на мое средство самообороны наглыми огромными зенками, она стала обходить меня, не приближаясь, пока не добралась до светильника на тумбе в углу и цокнула по нему ногтями. Вспыхнул свет, не яркий, но достаточный, чтобы ее получше рассмотреть.

Красивая, если даже не сказать сногсшибательная, особенно теперь, когда больше не изображает бесчувственное, условно живое полено. И чует мое седалище, опасная.

– С чего бы мне тебе отвечать? – прищурилась я подозрительно.

– А разве между возлюбленными должны быть секреты? – Это ее «возлюбленные» прозвучало с таким нескрываемым цинизмом, что я тут же поняла – брешет, как дышит.

– Черта два вы с ней были любовницами, – ткнула я в незваную гостью туфлей.

– Мы с ней, да? Были? – ухмыльнулась рыжая нахалка довольно.

Поймала! Вот блин!

– Говори, чего надо, или проваливай! – решила сделать морду кирпичом. Откуда мне знать, что она не провоцирует меня проболтаться еще больше, чтобы сдать потом этим золотомордым или псевдоптицам.

– Я свалю, а ты останешься дожидаться, когда Светила явятся сюда и нашпигуют тебя своими х… детородными органами везде, куда войдет?

– Тебе завидно? Может, я дождаться не могу этого никак, – огрызнулась я, но щека невольно дернулась.

– Серьезно? Ну ладно, тогда мне остается тебя только придушить. – Она мягко ступила по ковру в мою сторону.

– Чего? – сдала я назад.

– Не «чего», а «почему». Чтобы меня на сдала, во-первых, и из милосердия – во-вторых. Потому как все равно тебе туда дорога и очень скоро, – пояснила рыжая бестия невозмутимо и снова сделала шаг.

– Это еще почему? – я попятилась.

– Скинешь платьишко – расскажу, – шагнула она еще ближе.

– Что, блин?! – обалдела я так, что и отступить забыла. – Ты рехнулась?

– О, да ладно, тебе жалко, что ли? Ты мне покажешь, что я хочу, я тебе расскажу все, что знаю. – Она издевается? Или всерьез?

– Ты что, из этих? По девочкам?

– Само собой, куколка, – охотно закивала поклонница нетрадиционной любви. – Как и полагается настоящему натуралу. Стопроцентному, что тот хлопок. Так что, дашь на дашь? Давно хотел на сиськи этой куклы посмотреть.

– А… – Я открыла рот. Закрыла. Моргнула пару раз и выпалила: – Докажи!

– Что доказать? – Рыжие брови взлетели почти до корней волос. – Что я натурал? Или что обожаю пялиться на сиськи?

– Что ты парень! – не позволила смутить себя я. – Скидывай свое платье первым!

– Хм-м-м… Знаешь, в других обстоятельствах я бы на ура воспринял твое предложение раздеться друг для друга и уже ослепил и поразил тебя в самое сердце видом своего великолепного стояка, но сейчас… с этим некоторые затруднения.

Что-то наглости поубавилось, как я погляжу.

– Ничего, я и без демонстрации полной боеготовности обойдусь. Хватит и простого предъявления наличия э-э-э… оборудования. Мимолетного причем.

– Мое, как ты изволила выразиться, оборудование мимолетным взглядом не охватить, куколка. В обычное время.

– О, да хорош! Я же вижу, что ты просто ищешь отговорки.

– Ничего подобного. Не отговорки, а пытаюсь подготовить тебя к шоку.

– Поверь, я одинокая девушка, но не наивная и не монашка. И я смотрела порно. Тебе не удивить меня.

– Поспорил бы, да это будет нечестно. Дело в том, безымянная нахалка, что вотпрямсчаз мне тебе нечего предъявить.

– Так и знала, что ты врешь! – торжествующе ткнула в его… ее сторону каблуком туфли.

– Я не вру. В доказательство могу обеспечить тебя качественным оргазмом в кратчайшие сроки и без участия члена.

– Тоже мне доказательство! Этим без участия члена и я себя могу обеспечить, – отмахнулась я, прежде чем прикусила язык.

– Да-а-а? Покажешь?

– Ты вот это вот зачем все делаешь? Это какой-то фокус, чтобы мне подставу устроить, да? Креативненько, хвалю. Не то что тупость с подсовыванием жратвы, которую мне еще нельзя после обряда. Но если ты закончилО, то топай восвояси.

– Эй, я не какое не оно, – насупился… посетитель неопознанного пола. – Меня зовут Мартин. И гнать меня не в твоих интересах, ведь ты ни черта не Хитоми, которой тут жизнь была в кайф и пределом всех мечтаний.

– С чего взял?

– Все тебе расскажи, – ухмыльнулся… Мартин, а я подняла бровь, давая понять, что придется уж. – Эй, ну у меня на эту телку… в смысле… нравилась она мне. Тут все ничо такие, трахабельные, Светилам же самый смак подбирают, но она самая тут свеженькая была и не такая ссученная или на золотые члены намертво подсаженная, как та же Инсара. Короче, я как только тебя в коридоре увидел, то просек, что не так что-то. Понаблюдал и понял, что ты не она. И что с тобой эти киоры накосячили, как и со мной.

– А они с тобой накосячили?

– Алло! Я нормальный половозрелый и сексуально активный парень девятнадцати лет от роду, который передергивал по пять раз на дню, запихнут в тело рыжей девки! Это ли не косяк, по-твоему? Это еще и при том, что от рыжих меня не вставляет. Не говоря уже о том, что не догадайся я сразу корчить из себя хреново дерево, мне уже самому бы вставить попытались. Учитывая, что я лучше сдохну, чем подставлюсь под член, закончиться это для меня должно в лучшем случае смертью на месте. Так что кончай тут стоять и пялиться на меня подозрительно, выдумывая попытку подставить. Это я сейчас рискую куда как больше тебя. Так что вознагради меня и покажи сиськи.

– Отвали, полудурок!

– Не ломайся! Блин, они даже не твои на самом деле!

– Ты рискнул своей конспирацией и явился ко мне исключительно за этим? Нужны сиськи – вали в ванную и разденься перед зеркалом.

– Я, по-твоему, извращенец на всю голову?

– Нет?

– Нет! К тому же эти я уже видел. И пришел я узнать, как ты относишься к идее свалить отсюда.

– Сразу положительно. Но я даже еще не знаю, где нахожусь и куда можно сбежать. Ни одежды нормальной, ни знаний, ни денег местных… – А похотливые золотые членоносцы явятся уже завтра по мою… тело.

– Вот почему тебе нужно необычайно высоко оценить то, что подвернулся я, уже разнюхавший все и придумавший гениальный план побега, и одарить меня, показав…

– Тебе точно девятнадцать? По мне, больше на тринадцать тянешь.

– Девяносто три дня в чужом теле в окружении красивых баб без единого шанса передернуть! – с предельным трагизмом в голосе, произнес Мартин. – Будь ты парнем, ты бы поняла всю глубину моего отчаяния.

– Я понимаю.

– Фигня! Тогда почему ты еще не голая? – Нет, ну до чего же оборзевший мерзавец.

– Потому что отношусь ко всему серьезно? – предложила ему вариант. – Поговорим уже? По делу?

– Не понимаю, чем отсутствие одежды может помешать серьезной деловой беседе, – пробурчал Мартин и, смирившись, видно, с моей неуступчивостью, принялся наклоняться, приседать, махать руками и вертеть головой, явно разминая шею. – Зараза, как же все затекает сидеть в этом гребаном кресле. Как насчет массажа моих ягодиц тогда?

– Запросто! – Я продемонстрировала ему каблук туфли, что так и держала в руке.

– Противная баба!

– От бабы и слышу, – фыркнула я.

– Будешь так себя вести, и я брошу тебя здесь.

– Не бросишь. Я тебе нужна для чего-то. Ты же не из милосердного порыва обломать меня в групповухе со Светилами рискнул сюда прийти.

– Хитоми была милой девушкой, а ты…

– К делу давай, пока нас не застали и не изменили твою сексуальную ориентацию под давлением укорачивающего на голову аргумента.

– Хрен там! – Мартин плюхнулся в кресло и обиженно сопел с минуту. Нет, может, и жестко я с ним, но достал же.

– Короче, общие вводные данные таковы: нас перетащили с помощью обряда так называемого Подселения в этот мир, который местные зовут Вагмара.

– Зачем?

– За надом! Не перебивай!

– За каким надом? – Нет, ну реально сначала хотелось бы знать, зачем все это, а потом уж где.

– Блин, упертая! Я пришел к выводу, что таскают они из нашего мира людей, точнее, их сущности, у которых есть какие-то магические способности. Чтобы эти их Светила могли… ну типа питаться ими. Вот у тебя какие были магические ништяки там дома?

– С чего взял, что они у меня были? – подозрительно прищурилась я.

– Вот ты, капец… тугая! – закатил глаза Мартин и цыкнул зубом. Вот же черт, я как-то одномоментно перестала видеть в нем девушку. Все в нем: поза, гримасы, это цыканье и манера выражаться – были откровенно пацанскими. – Знаешь, у меня по жизни правило – «девочки вперед», особенно в сексе, но для тебя сделаю исключение. У меня был дар телекинеза. Типа. А вот сестра все поджигала. Небось поэтому ее в эту рыжую вытащить и пытались. – Его голос дрогнул, и по лицу пробежала болезненная судорога.

– Так ты тут вместо сестры?

– Думаю так. Какой-то псих на заправке попер на своей тачке прямо на Аньку. Последнее, что помню, как толкнул ее со всей дури на колонку – и бам! Лишь бы не убилась. Она у меня прям тихий ужас какая неуклюжая. Вообще одну никуда не отпустишь. То навернется на пустом месте, то лоб расшибет, то подпалит что-нибудь опять же, а сама в слезы… – В голосе Мартина зазвучала тревога и настоящая тоска, и у меня защемило в груди. У меня же тоже там осталось горюшко бедовое, не воспаление легких или цистит схватит, так заморит себя диетой какой. – Короче, мне обратно надо, сама понимаешь.

– Обратно? – опешила я. – Ты как себе это представляешь? Если тебя машина сбила, а меня задушил псих крылатый!

– Крылатый? Косплейщик, что ли?

– Какой, к хренам, косплейщик! Мой, как ты обозвал это гадство, дар в том, чтобы видеть всякие странные вещи. – Ну да, например, излучающие разного цвета, а точнее, воздействия предметы. Поэтому я терпеть не могла всевозможные антикварные лавки, набитые и просто вещами с «историей», и откровенно воняющими… ну, будем звать это магией, и вообще старые дома, где частенько фонило от самих стен. – И существ.

– Каких это? – оживился Мартин.

– Всяких, сказала же. Которые не люди. Лярву вон из квартиры сестры выкидывала. В ее день рождения. Семья со мной после этого практически не общается. Так что так себе дар, я тебе скажу. Но благодаря ему я точно знаю, что душил меня никакой не ряженый придурок. – Да, теперь, когда мое сознание окончательно прояснилось и первая паника и растерянность прошли, я вспомнила крылатого ублюдка точно. Особенно странную жидкую черноту, видимую даже ночью, что как-будто полилась из его глаз под моим уже угасающим взглядом. И с полной отчетливостью дошло, что там, дома, я не выжила после такого.

– Интересно, а наш с Анькой тоже был какой-нибудь эдакий? – задумался на пару секунд Мартин. – Они их небось специально за нами посылают. Но не суть. Мне все равно надо назад. Оставлять все как есть я не собираюсь.

– Некуда возвращаться, алле! Мы там умерли! Хочешь витать бесплотным духом?

– Я точно не хочу и дальше быть девкой, которую хотят поиметь. Быть бабой – отстой. А красивой бабой – отстой в миллионной степени. У меня от одних зырканий местных стражников чесаться все начинает. О перспективе, что кто-то реально ко мне с хреном своим сунется, и думать не хочу, блевать тянет и убивать. Жестоко, с особым цинизмом и последующим глумлением над трупом.

– Ну-ну, зато мне тут со своим «покажи сиськи» мозг проел, – хмыкнула я насмешливо.

– Эй, не равняй член с пальцем! Вам должны нравится подкаты! Вы же девчонки и тащитесь, когда вас все вокруг хотят, слюной капают и перед сном на ваш образ передергивают.

– Фу, ты прекратишь уже? Кому это «вам»? Инстасамкам каким-нибудь это и нужно. Девушкам в своем уме нравится совсем другое!

– Что? – подался Мартин вперед.

– Может, мы об этом поговорим, когда выберемся отсюда?

– Ловлю на слове! – ткнул в меня пальцем похотливый хитрец. – А сейчас слушай сюда: шаг первый – мы добываем себе нормальное шмотье и лавэ. Взять его можно только у местных стражников. Поэтому ты их отвлечешь, а я прометнусь в их жилые комнаты и стащу нужное. Одежду и их кошельки.

– Отвлеку? Как?

– Ну, скажем, прибежишь к ним в одной то и дело сползающей простыне и закатишь истерику, что у тебя паук на стене или еще какая-нибудь хрень пугающая, и потребуешь, чтобы они все явились и уничтожили ее. Никакой мужик в своем уме не откажет прыгающим перед ним сиськам и вряд ли будет смотреть по сторонам.

– Ты просто больной с этими сиськами, знаешь? И если ты уж так уверен в безотказности приема, то почему не ты отвлекаешь, а я ворую?

– Ты воровала раньше? Или ориентируешься во дворце? Если тебя застанут с этими уликами в руках, что будешь делать?

– А ты?

– Воровал ли я? Пф-ф-ф! Куколка, перед тобой главный шоплифтер своего района! Я на спор с пацанами чего только из магазинов не выносил! – Повезло же мне связаться с криминальным озабоченным дарованием, прости господи! – И где комнаты стражи – я знаю и видел, где там что. И мое чертово кресло позволит спрятать краденое. Еще вопросы?

Ладно, убедил, мерзавец.

– Когда выходим на дело?

– Как только Светила свалят от Инсары и все тут уснут.

– А они… – я аж подзависла и глянула в сторону двери. – У нее сейчас?

– Я бы сказал, что в ней, скорее всего, – хохотнул похабно Мартин. – И, по моим многодневным наблюдениям, шпилить они ее будут еще около часа, если не подпотратились магически сегодня. А если чё-нить колданули, то пойдут на второй круг и все часа три. А завтра Инсара будет неходячая, и ее киоры будут откачивать. Если откачают. Так что у нас еще куча времени на потрепаться и подготовиться морально.

Глава 7

– Март! – шепотом позвала я, тихонько ткнув своего спутника локтем в бок, заслышав приближающееся бряцанье металла о металл и весьма характерное утробное подвывание, которым приветствовали друг друга забози – местные некрупные ездовые животные. Их использовали для верховой езды и в упряжках

небольших повозок. – Март, проснись! Сюда кто-то подъезжает, и их, похоже, много.

Мой подельник резко сел, распахивая глаза и тоже прислушиваясь.

– Валим! – скомандовал он, задирая заднюю часть полога в фургоне Адира – мелкого торговца-пьянчужки, к которому мы прибились пару дней назад. Он ехал туда же, куда стремились и мы, – в Навиж, самый южный город империи Светил Талетос.

Сразу за Навижем начиналась огромная Беглова пустошь, и о ней мы уже успели каких только страшилок не наслушаться. Но другого пути к побережью, а значит, и к островному вольному государству Радвелат не существовало. А нам туда и надо. По обрывочным упоминаниям в некоторых свитках библиотеки Светил, которые сумел раскопать Мартин за тот срок, что успешно изображал из себя бесцельно катающееся по дворцу полурастение, в «полном мерзких преступников и преданных подземной погани» Радвелате была разрешена свободная магия. Каждому, кто сможет и рискнет ею владеть, а не исключительно «великим, мудрым, милосердным и прочее и прочее» чудотворцам Светилам. И те самые сплетни, что мы старательно собирали по дороге, это полностью подтверждали. Маги вольного государства могли практически все, и Мартин очень надеялся, что в это «все» входит и способность вернуть нас в наш мир, причем живыми и невредимыми. Мне в это верилось с трудом, но, однако же, и оставаться в Талетосе, где нас, двух пропавших из дворца Проводниц, искали чуть ли не под каждым камнем, смысла не было. Ведь вряд ли когда перестанут искать, и еще черт знает, что сделают, если найдут. Я так поняла, что никто и никогда за триста лет правления золотомордых не сбегал от них. Большинство местных, с кем мы говорили об этом под видом праздной болтовни, искренне недоумевали, зачем бы кому-то сбегать от всей той роскоши и сладкой, по их мнению, жизы, что была у Проводниц. И многие были уверены, что нас похитили на самом деле.

Многие, но сто процентов не сами Светила. Не после той акции отвлечения с ограблением, что мы провернули с Мартином. Я так боялась и помирала от смущения тогда, что истерика у меня вышла совершенно натуральной, и вздрюченные моими воплями бедолаги стражники всей толпой обшаривали мой будуар, ванную и коридор, заглядывая в каждую щель и уголок в поисках многоногого, мохнатого и дико страшного ползучего гада.

Какими словами они меня крыли за это веселье среди ночи, я услышала, когда мы с Мартом пробирались мимо их комнат, чтобы свалить уже из этого поганого дворца. Вообще хочу сказать, что охрана тут была поставлена из рук вон плохо. Судя по всему, все настолько уверовали в неуязвимость Светил и в то, что никто в своем уме из этого типа райского сада не побежит, что просочились мы как нефиг делать. Пристроились рядом с выезжавшей из ворот повозкой, что доставляла какие-то продукты в резиденцию Светил, и сонная стража и не подумала поинтересоваться, кто мы и куда идем. В полумраке, в мешковатой одежде, которую мы хорошенько апгрейдили пылью с земли в саду под окнами, и с замотанными тряпьем на манер местных головами мы, видно, не заслуживали внимания.

– Давай, Сонь, – прошептал мне Март, уже выскользнувший наружу из фургона Адира, и схватил за руку, страхуя, чтобы не упала.

Мы подцепили свои котомки и шнырнули за ближайшие деревья, где и залегли рассмотреть, кто же это пожаловал на нашу ночную придорожную стоянку.

Адир, как всегда, задрых у костра, налакавшись своего противного пойла. Мы не поскупились оплатить его запас в последней харчевне, которую проезжали, и за это он нас прямо-таки возлюбил, хотя и до этого утверждал, что мы «славные парнишки» и нравимся ему. Но лукавого блеска в глазах утаить не мог, так что особой веры, что он не сдаст при случае, у нас не было.

Отводить и прятать забози было без толку и просто опасно. Этим зверюшкам плевать на конспирацию, и они очень уж общительны с себе подобными, чуя их издали. Поэтому выдали бы нас запросто, перекликаясь с собратьями пришельцев.

– Эй, ты! – раздался явно натренированный на приказной тон мужской голос, и в трепещущем круге света от костра появился одетый в форму, очень напоминающую форму дворцовой стражи, незнакомец. Только золотого шитья у этого почти не было, зато всякого оружия понавешано на нем в достатке. А у нас с Мартом по всего одному стыренному кинжалу, да и теми ни фига нет навыка пользоваться. Скорее себя зарежешь. Я уж точно, а у как-бы-рыжего бес разберет, какие навыки в загашнике. – Кто такой, отвечай!

Адир всхрапнул, дернулся и завалился с перепугу на спину, а в пределах видимости появилось еще три стражника. Двое стремительно двинулись осматривать выбранную нами для ночевки полянку, а последний вытащил из кармана нечто продолговатое, что оказалось зажегшимся от щелчка ногтями фонарем, и без церемоний полез проверять внутренности фургона, вороша там все.

– Ты язык проглотил, пьянь? Кто такой? Куда едешь? Кто еще с тобой? – продолжил стрелять вопросами в медленно приходящего в ум торговца, очевидно, главный стражник.

– Так, Адиром меня звать, уважаемый канияр, – наконец залопотал допрашиваемый. – Торговец я. Занчус, корень лута, семена каги, лучшие, между прочим, везу.

Март потянул меня за пояс, намекая, что нужно отползать дальше, чтобы уже дунуть что есть сил. Нашего четвероногого транспорта было жаль, но к чему-то такому мы и были готовы, еще когда покупали забози на городской окраине. Да и не складывалось у меня что-то с верховой ездой, одно мучение. Не то, что у Марта. Этот гаденыш как в седле родился и в принципе, походу, под все сразу заточен или же подстроиться способен. Аж завидки берут. Потому-то я и была так рада прибиться к Адиру. Это нас замедлило, к неудовольствию моего спутника, но больше трех часов верхом без долгой остановки я не тянула. Да и Март нехотя согласился с доводами, что ищут двух ряженых девчонок, а не алкаша, странствующего торговца с парой помощников.

– Куда едешь, спрашиваю, и с кем? – раздраженно повторил стражник, пнув фляжку Адира.

– Так, в Пакр, куда ж еще, – ответил тот, поднявшись, и поплелся к краю поляны в нашу сторону как раз.

– С кем? – рявкнул ему в спину вояка.

– Так, один, – невозмутимо ответил Адир, завозившись с передом штанов, и через секунду зажурчало. Мы с Мартом отползать перестали, прислушиваясь. Само собой, не к чистоте звучания его струи.

– Брешет, – подал голос другой стражник с того конца поляны, где были привязаны попастись забози. – Кляч-то у него четыре.

– Ты кого дуришь, пьянь?! Почему забози четверо? Где остальные?

– Да Певень-Хозяин-Дорог – свидетель, что один я! – пошел в отказ Адир. – А клячи все мои! Этих пару как раз вчера и прикупил по дешевке у двух пареньков. Клялись, что не ворованные, так что с меня спросу никакого, я им сколько просили медяков, отсы…

– Где купил? Как выглядели? – рявнул главный, нависая над так и не завязавшим пояс штанов Адиром, а тот и вовсе их отпустил, позволяя съехать по ногам. – Тьфу, прикройся ты!

Адир принялся приводить себя в порядок какими-то уж очень бестолково-суетливыми движениями и тараторя. Описывал нас с Мартом, да только, по его словам, пересеклись мы на прошлой ночевке у перекрестка на Дастдейи, куда мы якобы и отправились с утра. То есть совершенно в другую сторону, нежели ехали на самом деле.

– Врешь опять небось, – проворчал облапошиваемый госслужащий. – На кой бы им тебе продавать забози? Пешего пути и сильному мужчине до Дастдейи дней пять, а этим…

– Так с чего же пешими? Они с купцом проезжим богатым и договорились. Заплатили ему и в его дорожной кибитке и поехали. А чего же не поехать, у этих богатеев в их шарабанах огромных все удобства, даже кадки помыться, слыхал я. Это тебе не в седле зад отбивать. Только знаете, уважаемый канияр, – Адир понизил голос, зыркнул по сторонам, и мы с Мартом опять изготовились дернуть сломя голову, – сдается мне, что никакие это не пареньки были.

– А кто же? – ухмыльнулся стражник презрительно, но пошел к своему верховому зверю.

– Щенки волколачьи, вот кто! – ткнул пальцем в небо в прямом смысле Адир, так и застывая в этой позе. – Они дождутся, когда лесом Дахханским ехать станут, да и задерут и самого купца, и всю его челядь. А скарб весь своим родичам в леса уволокут. Точно так и будет, говорю вам.

– Болван, ты мозги совсем пропил? Да как бы тебе волколачьи щенки забози могли продать? Эта ж скотина их чует и бесится. Все, едем дальше! – скомандовал старшой, взлетая в седло.

Стражники уехали, а Адир еще постоял, прислушиваясь, пока звуки совсем не стихли вдали, и повернулся к лесу, то бишь к нам.

– Фух, повезло нам, что среди этих наемников оборотнячьих не было. Те бы вас мигом учуяли. Все, вылазьте, девки! Уехали они.

Мы с Мартом переглянулись в темноте. Вообще-то мы торговцу представились двумя мальчишками, что сбежали из дому против родительской воли, потому как мечтаем о судьбе настоящих моряков. И все эти дни хитрован делал вид, вполне успешно причем, что он нам верит и ни до чего ему дела-то и нет, лишь бы фляжка не пустела. Но черта с два мы его, выходит, провели.

– Да вылазьте, говорю, разговор к вам есть. – Адир подобрал свою фляжку, поболтал и, свинтив крышку, махом прикончил остатки содержимого. – Знаю я, кто вы, глаза хоть и заливаю, да совсем не повыжег. И не бойтесь, не выдам. А вот советов дельных дам, почти задаром. Потому как уже завтра мы будем в окрестностях Навижа, и пора вам разделяться, девки. Вдвоем никак вам так не изловчиться, чтобы вас не поймали.

– А с чего так? – отозвался наконец ему Март и медленно пошел вперед, отпихнув меня себе за спину.

– А ты не слыхал, что ли, что канияры-то и не удивились, когда я им про парней сказал. Они вас двоих ряженых и ищут и наверняка уже на всех углах раструбили. Вот потому разделяться вам только и надо и так искать, с кем Беглову пустошь перейти.

– Мы не хотим разделяться, – возразил мой одномирец, сжав руку в своей покрепче.

– А я говорю, поодиночке резону вам больше. Вот ты повыше, ухватками да голосом еще за парня сойдешь. А вот Сон – никак. – Мы ему представились почти собственными именами. Чего бояться, в этом мире они никому ни о чем не

скажут. – Так что тебе и топать первым в Навиж и наниматься в команду наемников-охранников. Туда, считай, всех подряд берут тамошние старшаки, потому как долго эти рядовые у них не живут. Мрут в той пустоши без конца.

– Офигеть удачное решение, ага, – фыркнул Март.

– И я о том, что удачное, – невозмутимо кивнул Адир, усаживаясь обратно на свое место у костра и выуживая откуда-то еще одну булькающую фляжку. – Вы хоть знаете, сколько будет стоить нанять проводников и охрану себе хоть какую-то, чтобы Пустошь-то перейти? Ого-го сколько! И не факт, что доведут. Не дай Певень догадаются, что девки, и чё захотят – сотворят, да там же и бросят. Или местным продадут. В пустоши никакие законы не писаны. А так ты, Мар, коли повезет, перейдешь с наемниками Пустошь задарма. В толпе в походе не до того, чтобы рассматривать. А все деньги сможешь Сон отдать. А я ей подскажу, каких проводников будет надежнее нанять. Пусть и обождать их придется. Наймется в таверну к Жирному Дишке подавальщицей. Я ему скажу, что, мол, родня ты мне осиротевшая. Поработает там неделю-другую и дождется. На той стороне уже и встретитесь, коли повезет обоим.

– Мы могли бы и вдвоем подождать этих надежных проводников, – возразила я.

– В Навиже, где все друг друга знают да всякие соглядатаи и доносчики шныряют? Это пограничный город, детки. Все на виду и под прицелом. Да вдвоем вас канияры на второй день и найдут! А так хоть какой-то вам шанс. Не хотите слушать старого пьянчужку – не надо. Молодым же вечно лучше знать, да? Умные вы сами. Да только и вокруг не дураки. И в канияры совсем идиотов не берут.

Глава 8

Рунтарехт

Эммирэй молча, по своему обыкновению, швырнул в подставленную лопатой ладонь стражника при въезде в Навиж четыре медных монеты и поехал дальше.

– Приветствую, Рунт! – улыбнулся щербато и желтозубо Анике, сегодняшний старшой городской охраны. Местные уже давно привыкли к тому, что с Рэем пытаться заводить беседы без толку. Мой нелюдимый побратим разговаривал нормально исключительно со мной и то, не сказать чтобы много, а с окружающими общался сухо, только при крайней необходимости. – Как там дела в Пустоши? Монстров меньше не стало?

И зыркнул на связку отрубленных лап лайби, притороченных к моему седлу. С них еще капала зеленая склизкая кровь. Мы нарвались на их стаю в полтора десятка голов, с аппетитом чавкающую и жадно порыкивающую над телом какого-то бестолкового или же отчаянного бедолаги, буквально на подъезде к городу. Выехал ли он столь неосторожно и самонадеянно, или же был застигнут в самом конце пути, разницы не было. Итог один. Беглова пустошь получила еще одну жертву. Хотя не одну. Почти всех лайби мы с побратимом перебили. Ибо нечего жрать безнаказанно человекообразных и вообще-то лапы и клыки с ядовитой железой этих тварей пользовались хорошим спросом на рынке Навижа.

– А ты с какой целью интересуешься? – ухмыльнулся я, чуток натягивая поводья и притормаживая забози около него. – Решил на старости лет в проводники или истребители податься?

– Вот еще! – фыркнул Анике. – Таких деньжищ, как вы, не рублю, но мне и тут сытно, тепло, и девки всегда под рукой. Охота была бы, как вы, задницами к седлу прирастать неделями, спать в полглаза, каждую минуту бояться быть сожранным, да баб не видеть по сколько дней подряд.

Ну, допустим, бояться смысла я давно не видел. Положено тебе на роду – сожрут все равно. А обзаведясь за изрядное количество монет пологом невидимости, спать мы могли преспокойно даже прямо перед логовом матерого оглоха. А бабы и должны быть пореже, а то имеют свойство надоедать и раздражать. Рэю вон и вовсе на них плевать. У него за морем невеста растет и хорошеет, вот он себя и блюдет. Ну это я так предполагаю, потому как на такие темы мы не говорили, так, пару фраз вскользь, а ни разу его уходящим с местными девками или уединяющимся с женщинами хуторов в Пустоши тоже не видел. Но его синие колокола не моя боль.

– И то правда, твою-то задницу уже и не всякий забози вывезет, пополам переломится, – ответил я стражнику. – Как еще девки у Жирного Дишки под тобой не задыхаются. Я бы на их месте с тебя двойную цену брал.

– Вот когда будешь на месте девок, тогда и будешь цены назначать, – огрызнулся старшой, не обидевшись. – У него там, кстати, новенькая появилась.

– Они у него всегда появляются, – усмехнулся я.

У Дишки место проходное, народу много всякого бывает, и девушки и правда подолгу не задерживались. Он их никому не позволял деньгами обижать, работой непосильной не загружал. Сам платил немного, но крышу над головой и еду давал и с их заработков от кувырканий с посетителями, насколько известно, ничего не брал. Его вполне устраивало то, что за его заведением закрепилась слава, что девчонки там что надо, даже если и не потрогать, так хоть глазами пошарить есть по чему, похлебку черпая ложкой, коли на большее монет не водилось. Так что всегда народу валом. И девушки быстро зарабатывали себе кому на что надо да и уезжали, кроме разве что тех, кто оставался там годами из любви к самому процессу, а не ради заработка.

– Эта не такая. Дишка говорит, из жалости взял, Адир его просил. Какая-то дальняя родня его.

– Из жалости? Что совсем страшная?

– Да толком не разберешь. На рожу вроде нет, только вечно ходит сгорбленная какая-то, платье мешком, на голове платок до самых глаз, смотрит в пол, не говорит, шарахается от всех.

– И что? Без платья и платка, что ли, никто не видал?

– Не-а. Ни с кем она… не того. Так не хочет и денег ни от кого не берет.

– Да вы тут просто жадные все и за лишнюю монету удавитесь. Дал бы кто ей побольше – и давно бы согласилась. Нет таких, что не соглашаются.

Женщины – существа от природы алчные, уяснил давно. Не важно, до денег, до удовольствий или до власти. Или до всего сразу.

– Так уж и нет!

– Так и есть. Вот я отсыплю щедро сегодня вашей загадочной девке да поваляю ее ночку напролет. А как буду ехать обратно – тебе и расскажу, чего там у нее под тряпками, – пообещал я.

– Ставлю пять монет золотом, что не выйдет у тебя ничего, Рунт! Ей на той неделе Ямирон пьяный десятку серебром на стол бахнул, а она мимо прошла и не глянула даже!

– Да с его рожей и трех десяток золотом маловато будет. – Вот люблю я спорить. А все почему? Потому что проигрывать не случалось, ведь не спорю, если не уверен. А тут делов-то – девку раскрутить. Плевать на пять монет, конечно, но уже интересно. Все не моя вечная скука.

– Ну да, ты ж у нас красавчик, – язвительно скривился стражник, – тебе девки и задаром дают.

– Дают, но я предпочитаю не брать, чтобы ничего себе не придумывали и делали все по-моему. Но недовольных не бывает. И отказывающих. Ладно, готовь свои пять монет на завтра, Анике. – Я толкнул пятками забози под бока, собираясь догнать побратима.

Мы только подъехали к воротам рынка, а мальчишки, которые прислуживают торгашам, уже устроили вокруг нас суету, зазывая каждый к своему хозяину. Всем известно, что среди наших трофеев барахла всякого не бывает. Но отмахнувшись от прилипал, мы первым делом отправились в лавку ювелира Игрита, по чьему заказу привезли с побережья увесистый мешочек с еиронским золотистым жемчугом. Дорогущим и красоты такой, что глаз не отвести. Когда-то, еще подростком, я мечтал подарить серьги и ожерелье из него своей паре, как подрастет она. Но не подарил. Жемчуг этот был очень дорог, но я на него заработал. Сам. Да вот дарить было некому уже. Теперь и валяется где-то он на пепелище, коли не подобрал его какой прохожий или глазастые кайки по гнездам не растащили.

Игрит только что носом не уткнулся в поблескивающий товар, придирчиво проверяя каждую жемчужину, и хоть и тряслись его руки от жадности, но рассчитался с нами как и договаривались. И правильно, ему-то его лавка еще нужна, а с нами шутки плохи.

Дальше мы прошлись по рынку, сбывая всякую разную добычу и трофеи с Пустоши и заодно пополняя свои запасы на обратный путь. В этот раз мы никаких серьезных заказов в Навиже брать не собирались, как и задерживаться тут больше, чем на одну ночь. Уже в дне пути мы с Рэем получили весточку от старейшины Некки – одного из весьма богатых и хорошо укрепленных фортов в Пустоши. Там говорилось, что их осаждает некое чудище, что жрет их людей и скот, и своими силами отбиться у них никак не выходит. Так что слезно просят они истребителей, то бишь нас с побратимом, приехать и помочь в их беде. Само собой, не даром, а за очень даже щедрую плату. Вот и поедем завтра прямо с утра, тем более что все признаки уже, что зима вот-вот нагрянет, и время придет дома сидеть до тепла. Зима в Бегловой пустоши такая же коварная, как и само это загадочное место. Накрывает разом с жуткими метелями и холодами. Вот вчера еще тепло, а на завтра морозище. Так что на всякий случай помимо обычных припасов прикупили еще по одному фирсанскому одеялу, которые тонкие и легкие, что тот птичий пух, но при этом в них и на земле в мороз спать упаришься. Не пригодится нам в пути, так сбыть такое запросто можно на одном из хуторов Пустоши. Тамошние хозяйки с руками оторвут. Им-то, рожденным там, доступа через границу нет. Закон. А торгашей, желающих по их опасным краям проехаться, один-два в год бывает. И те не всегда удачно дела свои устраивают.

В «Сытом тарухсу», забегаловке Жирного Дишки, мы оказались, уже когда смеркалось, и, передавая наших забози дворовому мальчишке, я тут же вспомнил рассказ стражника о странной новенькой подавальщице. И мое любопытство вспыхнуло снова. Всегда приятно, когда у тебя есть цель. Против собственной звериной натуры не попрешь. А она, натура эта, не просто похотлива, но и крайне склонна к охоте. Пусть даже и по мелочи. Так что уломать девку, что никому тут пока не дала, куда как интереснее, чем просто брякнуть монеты на столешницу перед заранее на все согласной. Вставлю и хорошенько прокачусь я что так, что эдак, тут сомнений никаких, но в первом случае вроде как слаще, потому как какой-никакой азарт присутствует.

– Ру-у-унт! Рэй! Мальчики! – возопила Яуген, одна из тех самых ветеранш заведения Дишки, что уже третий год живет тут. Наверняка она уже в разы богаче некоторых местных торгашей, но уезжать не спешит. Любовь к процессу, говорю же.

– Привет, детка, – улыбнулся я, тогда как Рэй, как обычно, просто протиснулся мимо нее, даже не ответив на приветствие. Рэй – такой Рэй. – Ну как поживаете?

Чего нового?

– Чего или кого, Рунт? – подмигнула она мне и пошевелила бровями, притеревшись своей грудью с открывающим всю глубину ее души декольте. – У нас и не очень старого на вас тут хватит.

И попыталась без всякого стыда обхватить меня в штанах. Но не приветствую я этих рукопожатий, пока пожимать особо нечего. А в ее случае так и было. Мой боец совсем невежливо приветствовать даму подъемом головы отказывался. Он в этой даме уже достаточно бывал.

– Яуген, милая, а я слыхал, что кое-что новое у вас все же есть, – зафиксировав ее запястье, я отвел загребущую ручонку шлюшки прочь.

– Ой, да какое там новое! – презрительней некуда скривилась давалка по призванию, и недобро так сверкнула глазами в дальний угол большого зала таверны. – Твоего внимания оно точно не стоит. И ничего не светит.

– Так уж и не светит? – Вроде я не так давно тут последний раз бывал, чтобы все поголовно забыли о том, каков я, и не верят в мои способности. – Разве у нее нет щели между ногами или рта?

– Все у нее есть, да не про вашу честь, – фыркнула девица и снова зыркнула на новенькую. Могу поспорить, что ждут ее какие-нибудь гадости от этой стервы, бабы – народ завистливый и мстительный, даже по пустякам, но мне дела нет. Интересно стало, заохотилось – получу что хочу, а завтра уеду и не вспомню. – Крутитесь вокруг этого чучела, что те самцы ползучих каби вокруг первой выползшей из норы самки. Всего и интереса – первым сунуть.

– Само собой, – ухмыльнулся я.

Я проследил за направлением взгляда Яуген и увидел-таки предмет обсуждения. Да уж, Анике не преувеличивал. Девчонка была высокой, но сильно сутулилась, я даже сказал бы, что почти чрезмерно и как-то нарочито. Серое платье висело на ней бесформенным балахоном, причем под ним, клык даю, еще тряпок понапялено. Такой же серый платок на голове, волосы спрятаны, что ни единый локон не выглядывает, да еще на лбу по краю густая лохматая бахрома прикрывает пол-лица. Она как раз вытирала освободившийся стол, значит, он

был из тех, что она сегодня и обслуживает. И хотя были сейчас в зале еще свободные места, но мой побратим остановился и уставился в ее сторону. Постоял так немного, а потом пошел вперед, но медленно, будто к добыче подкрадывался. У меня от удивления аж брови на лоб полезли.

Девчонка закончила вытирать стол и пошла в глубь зала. Рэй тряхнул длинноволосой белобрысой башкой, проводил ее взглядом и уселся на лавку за тот самый стол. И снова понюхал воздух. Я подошел, сел напротив и сделал то же самое. В таверне чем только ни несло: жареным мясом и овощами, разливным каваком, что был у Дишки очень неплох, духами девиц, потом, телами разной степени чистоты, влажным деревом от еще непросохшего стола. Все как и прежде. Кроме быстро исчезающего аромата, чего-то травяного, сочного. Летом в Пустоши иногда попадались полянки с одной хитрой и весьма ценной травкой. Звалась она у магов аззам, а в просторечии – стоячка. За всем известные свойства. Не приведи Певень-Хозяин-Дорог заехать на такую полянку, особенно после дождя, когда эта дрянь в самом соку. Под копытами забози трава сразу ломалась и пахнуть начинала страшно. Хапнешь запашку этого – и пару дней будешь непроходящим стояком маяться. Нам сколько раз с Рэем предлагали охранять команды девок-сборщиц (мужикам-то ее вообще не судьба собирать, никакие затычки не спасают) этой пахучей погани, но чур нас. Сколько раз бывало, что эти вылазки заканчивались гаже некуда. Спрос на аззам был высок, платили щедро, да никакие монеты не стоят жизни. У проводников и охранников от запаха этой дряни ум туманился, и на сборщиц этих они лезли. Добровольно или силком, все равно становилось. И не остановиться никак. Или сами помирали от изнеможения и баб замордовывали, или их за этим всем весельем в процессе тамошние монстры и заставали.

Так вот, странная девка эта, судя по всему, настоечкой-то на поганой травке-стоячке пользовалась. Уж очень аромат специфический, как и его действие. И это тем более странно, потому что, во-первых, стоит аззам тот ну вот очень дорого, даже здесь, на границе с Пустошью. А во-вторых, на кой риш это делать, если ты корчишь из себя недотрогу? Просто нравится нервишки себе щекотать тем, что мужики к тебе лезут все время? Выбирает кого получше и так чтобы наверняка на нее повелся, когда решит, что тот самый?

– Ты чуешь? – спросил я у Рэя, а он ответил мне вопросительным взглядом. – Аззам.

– Ничего такого, – покачал головой побратим, выглядя, однако, озадаченным.

Я нахмурился и принюхался еще раз, но тут к столу подскочила пухленькая блондиночка Рентэ и уловил только приторный запах ее духов, перекрывший все.

– Здравствуй, Рунт! Я скучала! – расплылась она в улыбочке, а я сразу вспомнил, какой у этой милахи умелый и трудолюбивый рот. Воспоминание было приятным, а вот помеха в виде ее запаха неожиданно раздражала. – Что вам подать?

– Разве ты подаешь на этот стол? – хмуро спросил Рэй.

Ого, целых шесть слов подряд, сказанных постороннему человеку.

– Эм-м-м… нет. Это стол Сон сегодня, но я хотела угодить, – покосилась на побратима Рентэ. В прошлые разы ей не случалось и голоса-то его услышать.

– Пусть она, – распорядился Рэй.

– Хорошо. Я сейчас позову, – девица перестала улыбаться и перевела взгляд на меня, но я промолчал. Мне все интереснее. – Рунт, я еще ни с кем не уговаривалась на эту ночь.

– Угу, – только и ответил я, и она ушла.

Я сидел лицом к стойке и видел, как Рентэ подошла к вынырнувшей из недр огромной кухни Дишки новенькой. Что-то стала говорить ей, косясь на нас, и девица повернулась в нашу сторону. Глаз и половины лица я разглядеть не мог из-за косматой безобразной бахромы, но вот очертания бледных губ видел неплохо. Она сначала их плотно, до побеления сжимала, опять же, как мне показалось, нарочно. Но по мере того, как Рентэ ей, видимо, рассказывала, кого она должна обслужить, чуток расслабилась. Что же, губки у моей сегодняшней ночной забавы хороши. Осталось узнать, насколько ласковы могут быть. Кивнув, она пошла к нам, и я, решив не растягивать веселье, нащупал кошель в кармане. Долгие прелюдии и предвкушения – это не про меня. А шейка-то изящная такая у нее, подбородок чуть остренький, прямо пальцы зачесались обхватить его и голову ей запрокинуть, открывая больше места для жестких, обязательно со следами, поцелуев. Кожа ровная, самую малость смугловатая, как Фаэйном лучезарным нежнейше отлюбленная.

– Добрый вечер, уважаемые крашеры, – произнесла она очень тихо и хрипловато, как человек, что нечасто разговаривает. Я наклонился к ней, стремясь нахально заглянуть под дурацкую бахрому, успел-таки уловить блеск здоровенных глазищ перед тем, как она немного отступила от стола. В открытую потянул воздух, ловя ее запах и убеждаясь, что был прав. Потому что есть мне расхотелось, а вот поиметь ее возжелалось немедленно. Ришева девка чуть ли не купается в соке этого аззама? – Что вам подать? У нас сегодня прекрасное жаркое из…

– Жареное мясо, кувшин свежего кавака и два стакана наверх сейчас же, – с ухмылкой произнес я, опуская на столешницу сразу двадцать монет. Золотом.

Но за мгновение до того, как мои деньги звякнули о дерево, мой побратим положил перед девицей горку своих золотых.

– Никакой пищи. Наверх, – отчеканил он.

Я изумленно уставился на него, он же пялился на нее. Риш его поколоти, вот это номер! Такого не бывало еще у нас. Но раз уж ему приспичило наконец, то я ему дорогу перебегать не собираюсь. Девок хватает. Хочет эту – пусть берет.

Я только хотел забрать свои деньги, как новенькая, якобы зашуганная тихоня, сгребла и мое, и Рэево золото и сунула монеты в карманы своего балахонистого платья.

– Будет исполнено, – ответила она и тут же помчалась на кухню.

Глава 9

Долбаных наемников-проводников, порекомендованных Адиром, мне пришлось дожидаться пятнадцать дней. Я уже начала думать, что он ошибся или же обманул. Все же вот так с ходу довериться словам едва знакомого человека из абсолютно чужого мира было довольно опрометчиво с нашей стороны. Понятное дело, он нас вроде на деле убедил, что предавать не намерен. Ничего же не мешало сдать нас тем стражникам. Но… вот с чего бы? Хлипенькое такое объяснение, что он контрабандист, анархист и вечный бунтарь очень глубоко в

душе… ну, оно хлипенькое и есть. По факту-то и на объективный взгляд – всего лишь жуликоватый бродяга-алкаш, балующийся коммерцией. Но, однако же, денег он с нас не взял ни монетки, и в чем была бы его выгода – непонятно. В любом случае мы таки приняли его совет разделиться. Скажем так: мы с Мартом были попутчиками, совершившими удачный побег, но не друзьями же и единомышленниками. Мне все еще ни черта не верилось, что наше возвращение в родной мир реально. Куда возвращаться, если ты умер там? Перспектива стать привидением или типа того меня не привлекала. Я их достаточно навидалась. И поверьте, что я ни разу не встречала среди них довольных новой формой существования, кроме разве что всяких злобнючих тварей типа духов маньяков или просто мерзавцев, мучивших окружающих и при жизни. Вот уж кому посмертная неупокоенность была в кайф.

Но как бы мы ни расходились в видении перспектив с Мартом, снижать его шансы на удачную попытку, просто цепляясь из боязни остаться одной, прав у меня не было. Дальше каждый сам за себя, и все решит твое везение. Хотя прощаться с ним в одном суточном переходе до Навижа мне было дико страшно. Как ни крути, он единственное существо, связывающее меня с прежней жизнью. Но нужно быть честной, Адир был прав. За дни пути те гендерные различия между мной и Мартином, которые засек торговец, только усугубились. Рыжий, на первом же привале обкарнавший ножом себе волосы чуть не под ноль, чем дальше, тем меньше напоминал девчонку каждым движением, голосом, интуитивными реакциями. Из него лезло мужское начало, и никаких усилий прикладывать для этого не нужно было. Со мной же все как раз наоборот. Сука, у меня росла грудь! Очень, блин, кстати и уместно! Но я это конкретно ощущала, когда ежеутренне приходилось перебинтовывать внезапно слишком давящую повязку. Проклятые медицинские прыщики Хитоми медленно, но неумолимо норовили стать привычного мне размера. А нефиг было жаловаться сразу, что обвесили, дура Соня! Никакое обрезание волос мне не помогло. Тем более так круто обойтись с ними, как Мартин, у меня рука не поднялась. Так, укоротила, чтобы удобно было под платком прятать, ведь у местных мужчин сплошь и рядом были длинные волосы. Это вам не палево, что не скажешь об упорно прущих в объеме сиськах. Да и без них хватало. На эту Хитоми… ну, то бишь на меня теперь, только ж глянь – и сразу видать, что девка. Никто этого пока не срисовал лишь потому, что по пути я большую часть светлого времени суток сидела под пологом тарантаса Адира и помалкивала.

– Эй, Адир, а где нам с Сон пересечься-то на побережье? – спросил Март, привязывая второго забози к седлу своего верхового. Торговец сказал, что наличие еще одной пригодной для навьючивания головы повысит и так немалые

шансы парня наняться в ватагу проводников. А еще он посоветовал, у кого в Навиже стоит купить оружие и всякое барахло для дороги через Пустошь.

– Тут я плохой советчик, пацан. Я-то через Пустошь никогда и не ходил и тамошних мест не знаю. Но наемники частенько упоминают постоялый двор «Уи Нян». Вроде как место там приличное, не беззаконное. Уговоритесь там и дожидаться друг друга. Других ориентиров у меня вам и нет.

– Ну хрен с ним. Пусть так. – Я стояла, стараясь хранить невозмутимость, но внутри тянуло, и глаза противно щипало. Приходилось напоминать себе раз за разом, что Март так-то не нанимался спасать и меня. Спасибо хоть вообще заморочился взять из этого гадского гарема вампиров-светил. Ничто, учитывая обнаруженный нами там уровень охраны, не помешало бы ему свалить и без меня. Подумаешь, пару дней подготовки больше. Спереть деньги и шмотки у охраны чуть позже. До сих пор офигеваю, как мы так запросто вышли. Хотя, по словам Марта, ничего странного. Вся магия и охрана дворца Светил была нацелена на то, чтобы охранять и не пущать туда. И ничто и никто – оттуда. Ибо что за псих побежит. Да уж.

– Сонь… – Он совершенно неожиданно, ломая всю мою линию обороны перед страхом очутиться один на один с чужим миром, вдруг обнял меня и уткнулся лицом в макушку. Вот, кстати, мне изначально казалось, что роста мы одного. А уже спустя несколько дней внезапно я ниже. – Ты это… Береги себя. И… ну, короче… не забывай, если чё, что это тело как бы не твое. В смысле… чего бы там ни было… мало ли… это вроде как не с тобой, ага. Перетерпеть все можно, главное – выжить и добраться.

– Думаешь, это работает?

– Хрен знает. Надеюсь, да. Короче, я буду ждать тебя в этом «Уи Нян» сколько смогу. Но вдруг чего… запомни, я из Воронежа. Красных партизан, дом пятнадцать, квартира семь. Если ты вернешься… заедь к моим, ок? Расскажи, чё и как. – Его голос тоже ломался, и он упорно прятал от меня лицо.

– Ты думаешь, они поверят чокнутой девке, что явится травить им душу своим бредом про другой мир?

– Ну… нет. Паханы, скорее всего, нет. Но Анька… если выжила, поверит.

– Очень сомневаюсь, что это вообще возможно, но ладно, сделаю.

– А ты откуда? К кому мне…

– Не парься. Мне, собственно, некому посылать весточку с того света.

Ага, родня не поверит, и им пофиг, а Лерку не хрен поощрять в ее и так нездоровых фантазиях. Ей и так по жизни шумоголовой еще не хватало точных знаний о существовании других миров. С нее станется начать мотаться по всяким магам, ведьмам и колдуньям в попытке меня вытащить или ко мне добраться. Так еще и до шизофрении добегается.

– Все хорош! Расходимся! – Март стремительно отстранился, и я даже ощутила легкий толчок в грудь от его силы. Рыжий сказал мне, что его способности к типа телекинезу, или как еще назвать это, начали возвращаться дней десять назад. Хотя пока еще и без прежнего над ними контроля. Глядишь, и мои скоро подъедут. Вот уж не слишком радует. Начать и тут видеть по углам и под каждым кустом всяких жутких и не очень тварей не горю желанием.

Март пожал почти насильно руку Адиру (ибо тут так не принято было), буркнул ему «довези ее там…». Не оборачиваясь ко мне, он лихо взлетел в седло и дал пятками в бока забози, сразу сталкивая того в рысь. Смеркалось, и вскоре я его уже не видела, а только могла слышать затихающий топот.

– Так, Сон, завтра первым делом мы тебя обратно в девку переоденем. Да так, чтобы пострашнее, – вздохнул, провожавший тоже взглядом моего одномирца Адир и приложился к своей фляжке. – И ты это… может, хромать там, горбиться поучишься? Мыться тоже каждый вечер бросай. У Дишки-то в таверне все девки того… за монеты с посетителями запросто ходят. Но не принуждает никто, чего так уставилась! Все добровольно, они туда за тем и устраиваются.

– А в другое место… – замямлила я. Что ж такое, чего меня из одного притона в другой носит?!

– Да везде такие правила, ты чего! – зыркнул на меня как на недалекую Адир. – Подавальщицами девки идут – знают обо всем. Только другие хозяева таких забегаловок с девок долю дерут, и не работать, отказывать нельзя. А Дишка не

такой. Хочешь – по постелям прыгаешь, хочешь – только плошки с кувшинами тягаешь да столы с полами драишь. Вот и говорю, не хочешь, чтобы лезли к тебе пьянчуги со своими монетами – надо пострашнее тебе заделаться. И Рунт с Рэем только у него и останавливаются. А тебе только их и надо.

– Почему?

– Потому как они лучшие. – Вот и весь ответ.

Ну и вот эти лучшие наконец появились. И что-то моего и так почти издохшего оптимизма мигом сильно поубавилось. Потому что эти лучшие были еще и пипец какими здоровыми. Прямо-таки огромные какие-то. Особенно белобрысый, что уселся ко мне спиной. Чем ближе я подходила, тем более резиновыми начинали ощущаться мои ноги. В запыленной дорожной одежде из кожи (или скорее уж можно было назвать их облачение легким доспехом) оба мужика выглядели устрашающе широкоплечими и даже сидя – высокими. Страшно подумать, какие они в полный рост. Рентэ мне что-то там про них бормотала еще в ухо, но как только я уловила долгожданные имена, вслушиваться в болтовню, состоящую в основном из восхищенных придыханий, перестала. Божечки, как я к ним подойду-то вообще? Страшные какие! Не в том смысле, что уроды, совсем нет, хотя сильно разглядывать я не отважилась. Но от этих лучших проводников прямо-таки разило опасностью. О том, что поближе стало разить еще и давненько немытыми телами и нестиранной одеждой, я помолчу. Люди с дороги так-то, и здесь я в принципе ни у кого яростной приверженности к мытью и стирке одежды не заметила. Блин, здесь даже посуду мыли только один раз и после закрытия. Ну как мыли… заливали все ходившие из рук в руки глиняные тарелки и плошки кипятком в большом чане, потом полоскали чистой водой. А так просто протирали каким-то мхом от жира, прежде чем подать новому посетителю. Я была бы в шоке совсем недавно, но девять дней и ночей в пути сюда заметно поубавили моей взыскательности и природной брезгливости. Никто же не жаловался, чего мне-то глаза выкатывать. И кстати, дамы местные к мытью ежедневному тоже фанатичной тяги не испытывали. Я заставала их в уборной за кухней частенько замывающими… э-эм-м… рабочие места, но на том и все. Зато всякими пахучими жидкостями и пудрами они пользовались щедро. Спать в одной комнате с Рентэ и Унилой было тем еще испытанием, правда, чаще всего и не приходилось. Блондинка ночевала с нами максимум одну ночь из пяти, а Унила – через сутки, так что я пользовалась помещением практически единолично. С открытым настежь окном и вымытым перед сном полом жить можно.

Я остановилась перед столом моих будущих проводников и собиралась с мыслями, как же к ним подъехать половчее, пробормотав пока стандартное приветствие всем посетителям. Адир мне сказал, что с белобрысым (он же Рэй) пытаться договориться без толку.

– Он тебя и слушать не станет, Сон. Он и вообще нелюдим, слова никому не скажет и в упор не видит. А на бабье так и вовсе никакого внимания не обращает. Уж кто только его и как у Дишки не обхаживал. Губы кривит только да как на пустое место глядит. – Наставлял меня торговец перед своим отъездом. К тому времени мы уже знали, что Март, к счастью или к сожалению, отбыл из Навижа. Суток не пробыл тут, нанялся в большую ватагу охраны к последнему перед зимой каравану трех богатых купцов. Утром прибыл, а к обеду уже ушли они в Пустошь.

– Ты, Сон, лучше сразу к Рунту притрись.

– В смысле притрись?

– Да в том самом. Он мужик веселый, поболтать завсегда и главное – до баб очень охочий. С ним тебе договориться будет в самый раз. И не зажимайся особо, серьезно говорю. Скажет «дай» – давай. От тебя не убудет, а цели своей добьешься. Тем более Дишкины девки все в один голос твердят, что в постели он хорош. Не обижает, к чему не хотят – не принуждает, довольны им остаются, хоть и ходят с утра враскоряк немного. Соображаешь, о чем я?

Я-то соображала, вот только перспектива вырваться из одного секс-рабства с помощью раздвигания ног перед кем-то другим… Ну а с другой стороны, как там Март сказал? Помнить надо, что тело не мое и главное – выбраться и дойти до цели. И фиг с ним, что цель его весьма эфемерна. Моя – не вернуться в лапы к этим золотомордым Светилам-вампирюгам, что лишат меня воли, превратив в текущую по щелчку их пальцев шлюшку, а потом и осушат однажды, отобрав и жизнь.

Ладно, посмотрим, что ты за бабник и весельчак, Рунт. Пока я судорожно соображала, как же так себя-то ему предложить (елки-палки, знала бы, что это уже они, хоть безобразие с башки сняла бы и не наматывала, как всегда, тряпья под платье), мужик подался ко мне и… понюхал, походу. Я аж шарахнулась и забыла все слова. И чуть не подпрыгнула, когда справа о дерево тяжело брякнул

металл. Глянула туда испуганно, чтобы увидеть горку золотых монет, положенных на стол белобрысым гигантом. Я такое здесь видела каждый день. Он хотел купить… меня. А буквально через долю секунды Рунт отзеркалил его действие, потребовав еду и выпивку наверх. Со мной в виде десерта, само собой. А следом и блондин выплюнул отрывистое «Наверх!» Я ошарашенно уставилась на них. Рэй пялился на меня так, будто был озверевшим от голода, а я – последним куском жратвы в этом мире. Аж все волосы на загривке вздыбились, и съежиться захотелось. Рунт же уставился на него обалдело. Как будто для него произошедшее тоже было удивительным, мягко выражаясь. В этот момент грохнула в стену тяжелая входная дверь, и мой ошарашенный взгляд метнулся к источнику звука. И растерянность мигом обратилась в панику. В общий зал таверны вошел тот самый стражник, что выслеживал нас с Мартом по дороге. И в этот раз с ним было еще четверо вояк. Но не это самое катастрофическое. Следом за ними вплыл киор Вайс в своем долбаном балахоне. Презрительно скривив свою птичью физиономию, он огляделся по сторонам и пошел к столу в дальнем углу, по пути требуя подать лучшего мяса и нарис. Не соображая почти ничего, я сгребла монеты и понеслась в сторону кухни.

Глава 10

Эммирэй

Я прошел мимо мелкой, раздражающе пропахшей своей и чужой похотью человечки, которая прилипла тут же к Рунту, как ойранская зацепень-трава. Он как раз тот, кто благосклонно относился к ужимкам этих потасканных десятками самцов баб, что были нацелены на выуживание из его карманов монет вкупе с удовольствием. По мнению Рунта, это и есть отдых – закрыться в комнате с одной из них да укатывать ее до середины ночи, мешая окружающим грохотом кроватного изголовья об стену и вышибаемыми визгами ошалевшей под ним девки. Не осуждаю. Когда-то я и сам проводил примерно так ночь за ночью. Только был куда как сволочнее Рунта, ибо женщин предпочитал не покупать, а соблазнять, соревнуясь в этом с единокровными братьями, чаще всего обставляя их в стремлении доказать, что полукровка и бастард ничем не хуже них. Использовал бедняжек исключительно для своего удовольствия, поддержания гордыни, без сожалений их оставляя. Десятки и десятки безликих и не имеющих

никакого значения. Пока не нарвался на ту, которая терпеть от меня такого не захотела. А что еще мог изобрести разум обиженной, весьма влиятельной и одаренной магией женщины, как не лишить меня возможности впредь познавать наслаждение от новых бесстыжих завоеваний и желанного будущего?

И вот он я шесть лет спустя. Изгнанник, бродяга, не испытывающий ни малейшей тяги к плотским удовольствиям. Ведь проклят, и так мне и надо. Поделом. Ибо верхом юношеской тупости было полукровке затащить в постель принцессу-наследницу сопредельного государства, а потом еще и нанести оскорбление, бросив ее, как рядовую девицу. Не то чтобы мне светил бы союз с такой особой, даже пожелай я этого. Просто стоило бы знать: таких женщин не позволено бросать мужчинам, что им не ровня. Хотя вообще никаким. Лишь смиренно дожидаться, когда их собственный интерес к тебе, как к постельной игрушке, угаснет. А я был заносчивым и ослепленным долгой чередой легких побед и приближением момента обретения крыльев похотливым придурком. Крыльев, которых мне теперь ждать годы и, может, не дождаться. Вот поэтому мы с побратимом сейчас поедим вполне пристойных по вкусу кушаний от Жирного Дишки и разойдемся. Рунт подхватит и утащит в комнату очередную приглянувшуюся подавальщицу, а я тоже хорошо отдохну. С наслаждением вымоюсь, переоденусь в чистое, тоже с наслаждением. Вычищу и собственноручно приведу в порядок наше оружие и дорожный доспех. Опять же не без удовольствия, риш его побери. И сладко усну под музыкальное сопровождение сексуальных утех за стенкой. И получу еще немало удовольствия, ухмыляясь при виде помятой и заспанной рожи побратима и слушая его ухание, когда ему придется мыться второпях и ледяной водой. Каждому свое, каждому сво…

Аромат маны буквально стегнул по моему сознанию, как огненная орочья плеть по обнаженной коже. Он нахлынул на меня внезапно и резко, будто я шагнул в густое его облако, как входят в плотный пар пещер с горячими источниками с мороза снаружи. В голове даже поплыло, меня качнуло, на миг лишая всех остальных чувств, кроме обоняния. Звуки затихли, все окружающее отодвинулось, растворилось, остались лишь проникающие в меня потрясающие эманации, от которых моя кровь тут же превратилось в драконье пламя. Это было так шокирующе интенсивно, что на долю мгновения почудилось, как мой все эти годы скованный дремой проклятья зверь шевельнулся, царапая изнутри всю кожу встопорщившейся чешуей, почти прорезая ее. То самое, забытое практически, болезненно-сладостное чувство, когда ты на грани.

Но кто здесь, в этой дыре, мог источать флюиды маны? Именно женской, той самой, от которой я был отлучен проклятием Лалинон все время в наказание за высокомерие и глупость.

Я пошарил взглядом по залу грязной таверны, выискивая то, чего здесь в принципе не могло быть – невесть каким ветром залетевшую Высокородную или же женщину моего племени. Только они могли источать ауру волшебства, коим обладали. Ту самую, что моментально пробудила мой плотский голод, впившийся в меня со всей силой, что он накопил за эти шесть без малого лет. Да, я ведь поначалу пытался бороться. Проклятье отвратило от меня всех Высокородных и драконицы. Любая при виде меня, прежде с легкостью обольщавшего едва ли не походя, испытывала только омерзение и даже страх. Каждая, кто не была моей истинной парой. Той самой парой, которую можно прождать всю жизнь и не дождаться. И да, я не был лишен мужской силы тем проклятьем. Лишь способности наслаждаться сексом с не носительницами маны. С людьми я спал, отчаянно борясь с обреченностью первые месяцы. Но это было… как умирать от голода, мечтая хоть о крохе настоящей пищи, но ощущать во рту лишь только пепел. Ни вкуса, ни насыщения – ничего. Да уж, женщины умеют наказывать за обиды.

Само собой, никого хоть отдаленно похожего на осененную благодатью источать волшебство вокруг не обнаружилось. Я еще раз напрягся, стремясь уловить следы маны, но они рассеялись окончательно. А может, их и не было вовсе? Откуда бы? Просто я так тосковал по всем прежним ощущениям, что, позволив себе лишь самую малость позавидовать веселью, какое ждет ночью Рунта, сам себя и наказал, вообразив и вспомнив.

Побратим что-то сказал или спросил, и я буркнул в ответ не думая. К Рунту прилипла очередная провонявшая похотью подавальщица, разогнав своим вторжением и приторным голосом и отзвуки посетившего меня морока. Мое раздражение было таким внезапным и острым, что я прогнал ее, чего не позволял себе никогда, как бы они ни досаждали своей прилипчивостью. Последнее дело – злиться на женщину. Жизнь меня научила. Просто, при всей болезненности от разочарования и невозможности, то секундное очарование и пробуждение, пусть и призрачное, на краткий миг дракона были настолько сладостными, что отпускать это состояние было бесконечно жаль. Ведь повторения подобного мне ждать возможно годы и годы.

– Добрый вечер, уважаемые крашеры, – раздался у нашего стола тихий хрипловатый голос нашей подавальщицы, и на этот раз меня накрыло с такой интенсивностью, что на мгновение почудилось – я взорвался изнутри.

Я не слышал больше ни слова, сказанного этой одетой непонятно во что женщиной. Я вдыхал и вдыхал, давясь и захлебываясь все новыми волнами чистейших эманаций. Она реально излучала ману! Не много, но, однако же, и этой малости моему дичайше изголодавшемуся по такому наслаждению сознанию хватило для потери адекватности. А еще тут же накрыло озарением: она подавальщица у Дишки, а все они продавали себя. А значит, я могу, могу получить ее, лишь заплатив! Испытать, пусть и на краткие часы, яростно желаемое удовольствие, вспомнить, каково на вкус настоящее соединение плоти, усиливаемое стократно слиянием магий. И это всего лишь за горсть монет. Которые я моментально и грохнул на стол перед девушкой. Не видя лица, не разбирая, как сложена – плевать на все! Загреб без счета в кошеле и грохнул, потребовав ее наверх немедленно. И даже не сразу сообразил, что мой побратим сделал то же самое, лишь на долю секунды позже меня. Мой гнев вскипел, хоть разум и взывал к адекватности. Уж не спорить из-за девки я собрался с ним? С тем, кому обязан не раз жизнью и запросто готов отдавать свою? Это же Рунт, мне надо просто открыть свой ришев рот и сказать, что мне нужна именно эта, и он, не сомневаюсь ни секунды, возьмет для своих утех другую.

Но шустрая подавальщица решила все за нас. Она стремительно сгребла монеты со стола и унеслась в сторону кухни, оставив ошеломленно пялиться друг на друга.

– Ну что, как девку делить будем? – насмешливо подмигнул мне побратим. – Ты какую половину предпочитаешь? Или повертим всласть?

– Наверху поговорим, – огрызнулся я, не собираясь обсуждать такое при свидетелях, тем более в зал таверны как раз ввалилась компания из шести имперских канияров и еще какого-то ряженого пугала из расы пониров, что с заносчивым и брезгливым видом пырил свои зенки на все и визгливо потребовал самого хозяина.

– Эй, Рэй, да бери ее себе, коли приглянулась, – сказал мне в спину побратим, когда мы уже поднялись по лестнице и пошли к моей комнате. – Мне только от любопытства бы не порваться чем. И это… оставь мне на разок или хоть на голую глянуть, если совсем укатаешь. Не бывало еще такого, чтобы я проспорил

же! Пять монет жирно этому Анике будет!

Мы вошли в комнату, и я сразу принялся расшнуровывать кожаный дорожный доспех. Похоть уже свернула нутро, люто вгрызаясь чуть не в кости, припоминая мне о каждом дне воздержания и невозможности получить желаемое.

– Эка тебя разбирает, – хохотнул Рунт, изумленно приподняв бровь. – Мужик, ты в порядке? Лица на тебе нет. Неужто так девка понравилась? Ее же и не рассмотреть толком бы…

– Мне плевать! – огрызнулся я, и именно в этот момент в дверь тихо скользнула та самая подавальщица.

– Ха, а мне даже пожрать из твоих рук не перепадет? – фыркнул Рунт, заметив, что она с пустыми руками. Ни подноса с плошками, ни кувшина.

Мне же было наплевать, я пошел на нее, погружаясь с каждым шагом в предвкушение эйфории, словно в идеально теплую воду.

– Уважаемые крашеры Рунт и Рэй, я прошу прощения за то, что ввела вас в заблуждение там внизу, – затараторила девушка, прижавшись спиной к двери. Она тоже испытывает отвращение и страх ко мне? Распространяется на нее, человека, проклятие Лалинон? Хотя разве мне не безразлично? Она взяла мои деньги, сделка состоялась, и я возьму то, в чем так нуждаюсь. Возьму хоть как. – Мне просто нужно было необычайно срочно завладеть вашим вниманием.

– И это тебе удалось, – ухмыльнулся Рунт. – Так что давай-ка скидывай тряпки, нам не терпится глянуть, за что уплачено. А то столько разговоров вокруг о твоих тайных прелестях.

– Нет! – Кажется, если бы могла, она бы шарахнулась еще дальше, но некуда. За спиной дверь, и я навис над ней, едва сдерживая потребность изодрать тряпье и взять прямо так, стоя, на глазах у побратима. Первый раз. Коих будет много за эту ночь. – Послушайте, я не собираюсь с вами… э-эм… спать! И деньги все верну. Вы мне нужны как проводники!

– Чего? – опешил Рунт.

– Мне вас Адир посоветовал. Сказал, что вы лучшие, – снова зачастила она. – Мне очень-очень надо через Пустошь. Вот прямо сейчас! Нельзя мешкать ни одной лишней минуты! Я сама вам заплачу, у меня деньги есть, – и она суетливо полезла в торбу, висящую у нее на плече, которую я только и заметил. – Вот, я могу вам три цены против обычного заплатить, только давайте выходить прямо…

– Так! – рыкнул вмиг посуровевший Рунт. – А ну не тарахти! Начнем-ка с главного. Ты не собираешься никого из нас обслуживать?

– Нет конечно! Я к Дишке устроилась, чтобы вас дождаться и не пропустить. Адир сказал…

– Да в ришеву задницу этого Адира! Ты в своем уме? Деньги сначала взяла, а теперь «нет» говоришь? Разве не могла без этого всего подойти и спросить, возьмемся ли мы?

– Не могла. Мне нужно… без огласки. И вы взялись бы?

– Нет! И сейчас не возьмемся! – отрезал Рунт, внезапно озлившись сильнее, чем должен, на мой взгляд. Ладно бы еще я тут бесился, он-то чего? Эта не даст, зато другая любая – аж бегом. А я не бесился. Я внезапно увидел возможность. Получить больше, чем мог изначально. – Ишь ты удумала чего! Играется она с нами!

– Ты боишься меня? – перебил я побратима и бесцеремонно сдернул с ее головы дурацкий платок, закрывавший уродливой бахромой пол-лица. – Чувствуешь отвращение?

– Ой! – вскрикнула она от неожиданности, схватившись за рассыпавшиеся по плечам темные волосы и уставившись испуганно невероятно для человека большими глазищами с густо-синими радужками. – Что?

Позади меня шумно вдохнул Рунт, очевидно возмущаясь, что я влез. По поводу работы проводников всегда решал исключительно он. Мне до этого не было дела. Никогда прежде. Но не в этот раз.

– Боишься ли ты меня? – повторил я и, не сдержавшись, опустил голову к самому ее виску, не касаясь кожи, позволив себе поглотить лишь малую каплю маны. Своровать, не спрашивая. Не предупреждая, насколько много хочу взять после.

– Вы очень… – она сглотнула и чуть сдвинулась вбок от меня, нервно зыркая то в мою сторону, то на злющего Рунта. – Очень крупные мужчины. Это немного… пугает, само собой, уж извините. И суровые на вид. Но Адир сказал, что вы порядочные и ничего такого…

– Мы беремся! – перебил я ее, услышав в голосе все, что требовалось.

Реакцию на мое проклятье Высокородных и драконицы, подверженных его влиянию, я помню. Если бы оно на нее действовало, то она бы уже рыдала от ужаса или корчилась в омерзении. Ничего похожего. А значит, я получу ее. На всю дорогу через Пустошь, что может длиться неделями. Темное торжество было настолько мощным, что дало силы обуздать похоть сейчас. Я потерплю, чтобы в итоге получить больше.

Глава 11

– Мы беремся! – грохнул блондин-гигант прямо над моей головой, чуть не заставив уже с визгом шарахнуться.

Господи, я шла, точнее, бежала сюда, прихватив из комнаты давно уже собранную котомку со своими немногочисленными пожитками и тряслась от страха. Что, если киор Вайс с ходу начнет допрашивать Дишку, и тот укажет на меня? И не только он. Каждая из его девочек. Все знали обстоятельства моего появления. Учитывая, что балахононосец появился в обществе тех самых стражников, что чуть не поймали нас по дороге и которых задурил Адир, есть вероятность, весьма большая причем, что они съездили, куда торговец обманом заслал, и поняли, что их провели. И сюда они явились, имея четкие сведения, что мы с Мартом в Навиже. Вариант, что они решили остановиться в «Сытом тарухсу», потому что здесь еда получше, чем везде, чище и девочки хороши, как говорили кругом, а сами проездом… ну, с моим везением это никакой не вариант. И значит, надо немедленно рвать когти. Совершенно не представляла, как я буду уговаривать усталых, голодных во всех смыслах, здоровенных

мужиков сняться с места сию же минуту. Очень может быть, что меня или поимеют, забив на разговоры, потому как деньги-то я взяла, а тут с таким строго. У Дишки подавальщица могла свободно отказаться от любой предложенной суммы, никто и не вздумал бы принуждать. Но как только взяла деньги – все. Сделка состоялась. Делаешь все, о чем уговорено. И договариваться о всех интимных подробностях так же не стеснялись в открытую, с места не сходя, и до того, как хоть пальцем денег касались. Но это был уж точно не мой случай. Мне изначально нужна была приватность, потому как то, что собираюсь через Пустошь, никому, само собой, не болтала. Сразу бы начались вопросы и подозрения. А следом и огласка. Но начать такой разговор у стола, когда со всех сторон девицы пялятся и уши развесили, – это подставиться. А с появлением киора и стражников – вообще самоубийство. Короче, я знать не знала, как бы убедить проводников. И что стану делать, если они наотрез откажут. Возьму котомку и пойду в Пустошь сама? И сколько проживу? Час или меньше?

Рунт явно мигом разозлился, только сказала, что спать с ними не планировала. Настолько, что было видно – слушать он меня не собирается, и я сейчас точно вылечу из комнаты с позором и скандалом, прямо в лапы Вайса и остальных. Так что от резкого «мы беремся!» я ощутила и облегчение, и одновременно страх. Обреченность даже. Рэй смотрел как-то… жутко. Вот только обдумывать почему, времени-то у меня и не было. Авось чудится и пронесет. Им же нужны деньги, так? И они не какие-то грабители, Адир клялся. А с остальным… как-нибудь разберусь.

– Какого риша, Рэй?! – возмутился Рунт, уставившись озадаченно на блондина, но тот оторвал наконец от меня свой тяжелый, жрущий заживо взгляд и посмотрел на своего товарища. И тот нахмурился, но спустя полминуты кивнул. – Ладно.

– Спасибо-спасибо! – Я от дурной радости чуть обниматься к ним не кинулась, благо опомнилась. – Только я вас прошу-умоляю, давайте выезжать уже прям сейчас и желательно тихонько.

– Нет, ты рехнулась, женщина? – заворчал Рунт. – Какой ненормальный выезжает в Пустошь ночью?

– Пожалуйста, мне надо! – заканючила я. – Очень-очень. Утром может стать поздно.

Божечки, да, может, уже поздно. Может, за мной уже идут.

– Рэй? – вопросительно глянул брюнет на своего друга-гору.

– Тебе еще что-то нужно забрать отсюда? – спросил тот у меня, и я замотала головой. – Тогда выходим.

Он подхватил кучу какого-то барахла с лавки в углу и крепко взял меня за локоть, разворачивая на выход. Так крепко, что его пальцы мне представились железными оковами, из которых еще попробуй вырвись. Сонька, походу, ты влипаешь еще круче прежнего. Да и бог с ним. Сию минуту бы вырваться, а там где наша не пропадала!

– Это тебе будет ой как дорого стоить, милая, – пробурчал тихо скользнувший бесшумно вперед нас Рунт. – И от расчета тебе никак не отвертеться.

Страшно-то как, мамочки. Но все одно не дороже потери себя от секс-наркомании и смерти.

Со второго этажа с комнатами для постояльцев вели две лестницы. Одна выходила прямо в середину обеденного зала, а вторая заканчивалась в дальнем его углу у задних дверей, откуда прямой ход к стойлам с забози. Рунт спускался впереди, и за шумом, издаваемым посетителями, нас никто не слышал, но видеть-то могли, и я вся напряглась, так и ожидая, что киор Вайс сейчас как завопит: «Это она! Ловите!»

Естественно, проводники за меня вступаться не станут. Из подслушанных нами с Мартом о нас же сплетен узнали уже, что любому, кто «посягнет на принадлежащее Светилам», приговор – смерть. Причем совсем не легкая. Они же не психи встревать в такое добровольно. Так что я их сейчас, по сути, подставляю. Простите меня за это заранее, но каждый сам за себя. И сами же расспрашивать не стали. Так что я чуть-чуть не полностью вроде виновата.

– Иди спокойно! – прошептал Рэй у моего уха, заставив вздрогнуть от его нового шумного вдоха у моего виска.

Он неожиданно плотно прижал меня к своему боку и так и повел по лестнице. Без всякой спешки. И до меня вдруг дошло, что из зала меня в таком положении, скорее всего, совершенно не видно за его монументальной фигурой в этом его дорожном облачении. Так что проскользнули мы бы совсем незамеченными, если бы не дикая популярность Рунта у местных девиц.

– Рунт! Куда ты? – ломанулась к нему из прохода между столами Рентэ. – Разве ты не заночуешь?

Реакция мужчин была молниеносной и потрясающе слаженной. Брюнет развернулся моментально и широко шагнул навстречу палившей нас заразе. А Рэй, прижав меня к себе еще крепче, буквально перетек ему за спину, все так же скрывая от чужих глаз, и, не останавливаясь, потянул к стойлам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/cherediy_galina/moy-vybor

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити